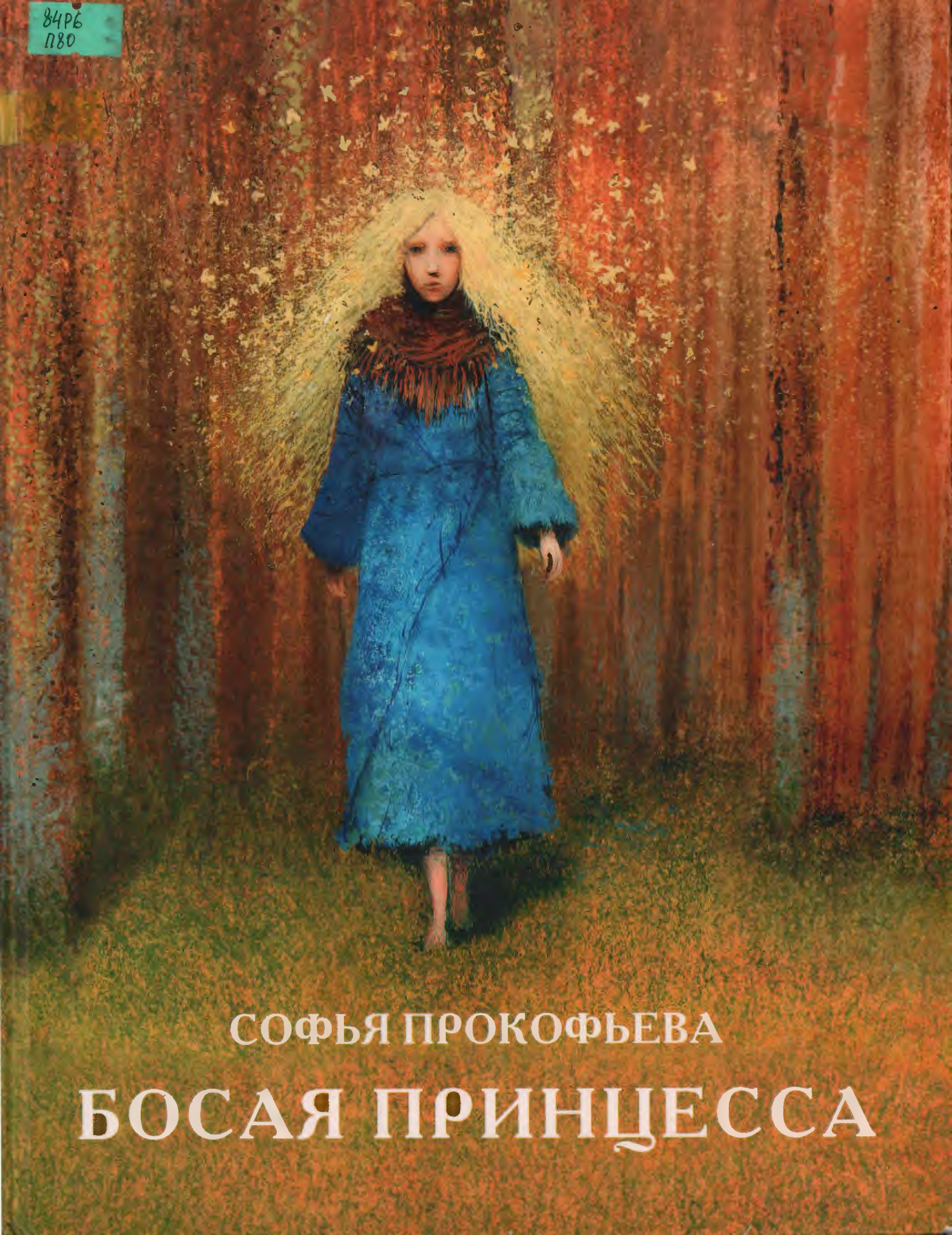

84Р6
П80

СОФЬЯ ПРОКОФЬЕВА
БОСАЯ ПРИНЦЕССА

МОСКВА • 2010

Софья Прокофьева

БОСАЯ ПРИНЦЕССА

ИЛЛЮСТРАЦИИ
ИГОРЯ ОЛЕЙНИКОВА

ГЛАВА 1

ПРОПАВШИЕ ЖЕНИХИ И МНОГОЕ ДРУГОЕ

Усталый путник, проезжая по Южной дороге, торопил своего коня. Едва завидев издали на высоком зелёном холме замок Альзарон, путник с облегчением переводил дух. Он знал, владелец замка король Ёнгер щедр и гостеприимен. Распахнутся высокие двери, ждёт странника праздничный ужин, лучшее вино из подвала, а то и беседа за полночь с радушным хозяином.

Так высок был замок Альзарон, что пролетающие мимо тучи нередко цеплялись за его узорные шпили. И потому невольно вспоминалась древняя легенда, будто бы сложили замок Альзарон из голубого и синего мрамора великаны, в стародавние времена поселившиеся на горном перевале между Южной долиной и Северной.

Вокруг замка раскинулся сад, знаменитый своими редкими цветами и деревьями.

И сегодня, как и всегда, король Унгер, взглянув на безоблачное небо, окружённый большой свитой, вышел в сад.

Сразу же ему на плечо уселся Придворный Воробей. Вид у птички был боевой, хвост выщипан в драках. Он что-то взволнованно и возбуждённо причитал на ухо королю.

— Полно, полно! Что ты болтаешь? — король ласково погладил Воробья по встрёпанным пёрышкам. — Сам посуди, ну куда могли подеваться принц Гóрра и герцог А́льдмер?

Из всех живущих во дворце только один король потрудился выучить воробьиный язык, находя его очень благозвучным и своеобразным. Он подолгу беседовал со своим любимцем. Но герцоги и бароны, окружавшие короля, пренебрежительно косились на беспородную птицу.

— Хорошо ещё, что у нашего короля есть ручной сокол. Вот это поистине королевская птица!

— Но приблизить к себе какого-то безродного ошипанного воробья...

— К тому же болтлив и до чего глуп!

— Совсем не знает правил этикета!

Так перешёптывались придворные, но, конечно, никто из них королю и слова сказать не смел.

Король приказал придворным дамам постучать в дверь опочивальни его любимой дочери принцессы Мелисёнды и пригласить её прогуляться вместе с ним в это безоблачное утро.

Широкая мраморная лестница полукругом спускалась в сад. Вскоре послышался стук лёгких каблучков, и по ступеням сбегала принцесса Мелисенда.

И тотчас громче зазвучали звуки далёкой тонкой флейты, кузнечики в траве застрекотали веселее, а птицы на ветках, распевавшие каждая свою песенку, запели дружно все вместе.

Ветер, шалун и проказник, утихомирился и улёгся кольцами у ног принцессы.

— Ну, что вы скажете? — растроганно сказал король Унгер, глядя на свою дочь. Глаза его были полны слёз. — Где вы найдёте ещё такую красавицу?

Король без умиления не мог смотреть на принцессу Мелисенду.

И сказать по правде, прелестней принцессы Мелисенды нельзя было сыскать ни в одном королевстве.

Её пленительное лицо было нежным, как лепестки только что распустившегося цветка. Большие серые глаза лучились и сверкали из-под длинных ресниц.

Волосы цвета золотого мёда падали на плечи и скользили вниз до атласных туфелек, вышитых жемчугом.

— Где твои женихи, дочь моя? — с удивлением оглядываясь, спросил король Унгер. — Где принц Горра, где герцог Альдмер? С вечера они были здесь.

— Я отказала им, — опустив глаза, тихо ответила принцесса. — И вернула им свадебные дары.

— Но уехать не попрощавшись? — пожал плечами король. — Странно, странно!.. А где в таком случае твой избранник, принц Амедей?

— Он поехал к своему батюшке, получить его благословение, — лёгкий румянец окрасил щёки принцессы, и она стала ещё обворожительней. — Завтра он должен вернуться.

Пёстрые бабочки, не переставая, кружились над головой Мелисенды. Они опускались на её длинные ресницы, приняв их за какие-то диковинные цветы, а золотые волосы — за полные мёда редкие травы. Мелисенда со смехом отгоняла бабочек, а они посыпали ей руки разноцветной пылью.

Вдруг словно внезапный порыв ветра взметнул бабочек, и они, сбившись в бесформенную стаю, поспешно скрылись в глубине сада.

Послышался цокот копыт, и навстречу королю и его дочери выехал стройный рыцарь на чёрном коне, словно выточенном из ночной грозовой тучи.

— Вот кто к нам пожаловал, — шепнул король, наклонившись к дочери. — Сам граф Мёртигер. Богаче его, пожалуй, не сыщешь никого в наших краях. Но не лежит у меня к нему душа, сам не знаю почему. Веет от него каким-то холодом...

— Верно сказано! — чирикнул Придворный Воробей, сидевший на плече короля.

Что расслышал граф Мортигер, осталось неизвестным. Но в тот же миг из его глаз вылетели две короткие острые молнии и растаяли в воздухе, оставив лёгкий дымный след.

Да, можно сказать, граф Мортигер по-своему был красив. Правда, его кожа была, пожалуй, слишком бледной, а в тени казалась даже чуть зеленоватой. Но потому такими яркими казались его глаза, большие, бездонно-чёрные. В их глубине порой вспыхивал тусклый отдалённый огонь.

— Ларец сюда! — приказал он зазевавшемуся слуге, и тот присел на дрожащих ногах.

— Принцесса, здесь редчайшие драгоценности, которые дарят нам скупые и жадные недра земли! — Граф Мортигер хотел было открыть тяжёлый ларец, но Мелисенда с улыбкой покачала головой и сделала шаг назад.

— Что ж, дети мои, погуляйте по саду, — со вздохом сказал король Унгер и положил руку себе на грудь. — А мне надо отдохнуть. Что-то тяжело дышать. И странное дело, тянет меня полежать на траве в нашей дубовой роще...

Не успел он договорить, как на посыпанную золотистым песком дорожку, раздвинув кусты роз, неуклюже выбрался старый садовник.

— Клянусь святым Мартином, чудо! — заикаясь от волнения, воскликнул он. — Не сойти мне с этого места, Ваше Величество, чудо!

— Что за чудо, говори толком! — нетерпеливо приказал король.

— Да ведь вот какое дело, — заторопился старик. — Дубовая роща... Я там каждый дубок знаю и зову по имени: кого Зелёный Жёлудь, кого Старое Дупло, кого...

— Хватит пустой болтовни! — король нахмурился и вдруг улыбнулся. — Не знаю почему, но сегодня мне приятно слушать про дубовую рощу. Так какое чудо, старик?

— На опушке, на опушке... — садовник, спотыкаясь, подошёл поближе. — Провалиться мне сквозь землю. Два новых дуба выросли! Крепкие, зелёные! Вчера их там не было, клянусь. А сегодня утром два дуба... Не сойти мне с этого места.

— Верно, выпил ты с утра два лишних стаканчика крепкого зелёного винца, вот и мерещится тебе невесть что, — с издёвкой усмехнулся граф Мортигер.

— Ступай, старик, — махнул рукой король — Эй, мой верный паж Тёрдис! Принеси своему королю кубок старого благородного вина. И расстели ковёр на опушке дубовой рощи. Там я хочу сегодня отдохнуть.

На дорожку проворно выскочил худенький паж, благоговейно подхватил под локоть своего повелителя.

Принцесса Мелисенда и граф Мортигер углубились в тенистую аллею. Граф Мортигер, как всегда, шёл чуть прихрамывая, припадая на одну ногу.

— Я ещё не теряю надежды, принцесса, — вкрадчиво проговорил граф Мортигер. — Мне верится, что вы наконец оцените мою преданность и верную любовь. У меня два замка. Один недаром зовётся Золотым. Если вы станете моей женой, все драгоценности, все сокровища мира будут принадлежать вам.

Граф Мортигер почтительно прикоснулся к руке принцессы, но та, вздрогнув, отшатнулась от него.

— Я ценю другие сокровища, граф, — тихо сказала она, проводя рукой по ещё не расцветшим бутонам роз, словно стараясь стереть след его прикосновения. — Боюсь, вы меня не поймёте. Взгляните, вон летит стая белых лебедей. Вслед им огромный чёрный ворон. Его клюв очерчен кроваво-красной полосой. Никогда не видала такой страшной птицы. Как вы полагаете, граф, может ли чёрный ворон лететь вместе со стаей белоснежных лебедей?

«Ого, какие намёки, — лицо Мортигера исказилось от досады. — Но погоди, упрямая красавица. Если мне удастся совершить то, что я задумал, ты заговоришь по-другому...»

В это время их догнал бегущий опрометью паж Турдис.

— Клянусь, я ни в чём не виноват! — задыхаясь, пролепетал мальчик. — Я расстелил ковёр под дубами и поднёс своему господину кубок светлого рейнского вина. И вдруг... Вдруг, о Боже! Мой король исчез. Как это случилось, я даже не успел заметить...

Сгибая колючие стебли роз, на дорожку вывалился седой садовник.

— О, горе! Я спятил, рехнулся, сбрендил... — еле выговорил он. — Небывалое дело! На опушке, неведомо как, вырос могучий ветвистый дуб. Руками не обхватишь. А на суку висит золотой кубок с королевским гербом. Клянусь, ещё полчаса назад этого дуба там не было...

— Пошёл прочь, болван! — злобно прикрикнул на него граф Мортигер. Две чёрные дымные струи вырвались из его глаз. — Гнать вас надо всех, нерадивых слуг. Только и умеете разносить дурацкие небылицы.

— Полноте, граф! Этот садовник — наш старый, преданный слуга, — проговорила принцесса удивлённо и печально.

Отчаянно взмахивая крылышками, на дорожку слетел Придворный Воробей.

— Глупцы, безмозглые и бесхвостые! — отчаянно прочирикал он. — Невежи, никто не знает воробьиного языка! В этом дубе течёт благородный королевский сок. Узнать бы, какой негодяй превратил моего короля в дуб, так бы и клюнул его прямо в глаз!

ГЛАВА 2

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ НА ЗАБРОШЕННОМ КЛАДБИЩЕ И МНОГОЕ ДРУГОЕ

граф Мортигер на своём чёрном коне ехал по ночной Южной дороге. Когда он въезжал в тень густых деревьев, он словно бы сливался с темнотой, только шелковистая грива коня изредка поблёскивала бледным серебром.

— Славная ночка, чудная ночка, — время от времени каркал ворон Харóн, сидя на плече своего господина. — Напоминает мой родной Аид. Такой же тусклый безрадостный свет, леденящий душу.

Граф Мортигер подъехал к церкви и спешил. В открытые двери было видно, как в глубине одинокая свеча озаряет тихо сияющие иконы.

Рядом с церковью были видны кресты и надгробные памятники. Кое-где ветер раскачивал язычки свечей. Здесь веяло тишиной и покоем, словно церковь охраняла мирный сон кладбища.

Мортигер миновал церковную ограду. Его сразу окутал сырой застывший мрак. Из-за тучи выглянула мутная луна, но свет её словно бы не доходил до земли. Звёзды втянули в себя озябшие лучи.

Теперь Мортигер шёл мимо заброшенных могил, заросших бурьяном и горькими травами. Ни крестов, ни памятников. Здесь были похоронены разбойники и убийцы, не раскаявшиеся, не отпетые церковью.

Изредка над одинокой осыпающейся могилой витало туманное облачко.

— Приглядишься получше, Харон! Это память покойника. Она будет летать над его могилой, пока кто-то из живых ещё помнит о нём, — негромко проговорил Мортигер. — Да, значит, кто-то ещё вспоминает этих злодеев.

Мортигер, прихрамывая, шёл между еле различимыми могилами. Иногда из-под земли доносились еле слышные стенания и вздохи.

— Посмотри на эту белёсую дымку, вот над той могилой. — Мортигер протянул руку. — Сразу видно, здесь похоронен злобный убийца, лиходей, висельник! Зарезал молодую мать, трёх детишек и старика-отца. Видишь, внутри дымки мелькает призрак окровавленного ножа и чуть видны тела убитых. Сейчас мы подыщем память для моей девочки, моей невесты-красавицы.

— А эта чем не подойдёт? — каркнул Харон. — Где ты ещё отыщешь память такого злодея?

— Нет, эта память слишком тяжела для моей нежной принцессы. — Мортигер усмехнулся. — Тебе не понять. Её душа слишком чиста и светла. И тело хрупкое и тонкое. Малышка подломится под тяжестью такой памяти... Постой! Вон над той далёкой могилой вьётся совсем бледное облачко. Подойдём поближе.

Харон взлетел и забил крыльями.

— Эта память слишком прозрачна!

В глазах Мортигера зажёгся тусклый огонь.

— Где тебе понять, глупая птица! — Мортигер не сводил глаз с расплывчатого облачка. — Убийца! Присмотрись и увидишь её длинные туманные косы. Она боролась с нищенкой на мосту. Она столкнула нищенку в воду за то, что та хотела отнять у неё кошель с медяками. Видишь, утопающая молит протянуть ей руку и спасти. А в ответ — тихий злобный смех. Нет, она не протянула ей руку...

— Так это как раз то, что надо! — Харон уселся на сук высохшего дерева. — Хватай эту память!

— Не знаю, не знаю... — проворчал Мортигер, подходя поближе. — Смотри-ка, сбоку петля и флакон с ядом. Слишком много убийств, слишком много убийств на её совести...

— А ты разруби эту память пополам своим колдовским мечом! — Харон снова пристроился на его плече.

— Что ж! Пожалуй, ты не так уж глуп, перевозчик мёртвых! — усмехнулся Мортигер. — Половина этой памяти может и подойти моей красавице!

Мортигер вытащил из бесчисленных складок своего чёрного плаща большую перламутровую жемчужину, даже в темноте сияющую всеми цветами радуги. Он раскрыл её и, ловко орудуя её створками, поймал, словно большую бабочку, призрачную дымку.

Жемчужина захлопнулась с тихим звоном.

Мортигер протянул руки над могилой, крепко держа жемчужину.

Зловеще прозвучал его голос:

Призываю мрак и тьму!
Память тёмную возьму
И в жемчужную тюрьму
Властью чёрной заточу!
Будет всё, как я хочу!

Было слышно, как отчаянно бьётся в жемчужине пойманная память.

— Вор, негодяй! — послышался из-под земли полный ярости и отчаянья приглушённый голос. — Отдай мне мою память! Подлый грабитель! Я не могу с ней расстаться! Это единственное, что у меня осталось... Отдай!..

Из могилы поднялись две зелёно-жёлтые костлявые руки. Рассыпающиеся пальцы были унизаны медными кольцами. Руки, дрожа, потянулись к жемчужине, но граф Мортигер отшатнулся, и руки скелета успели ухватить только край плаща.

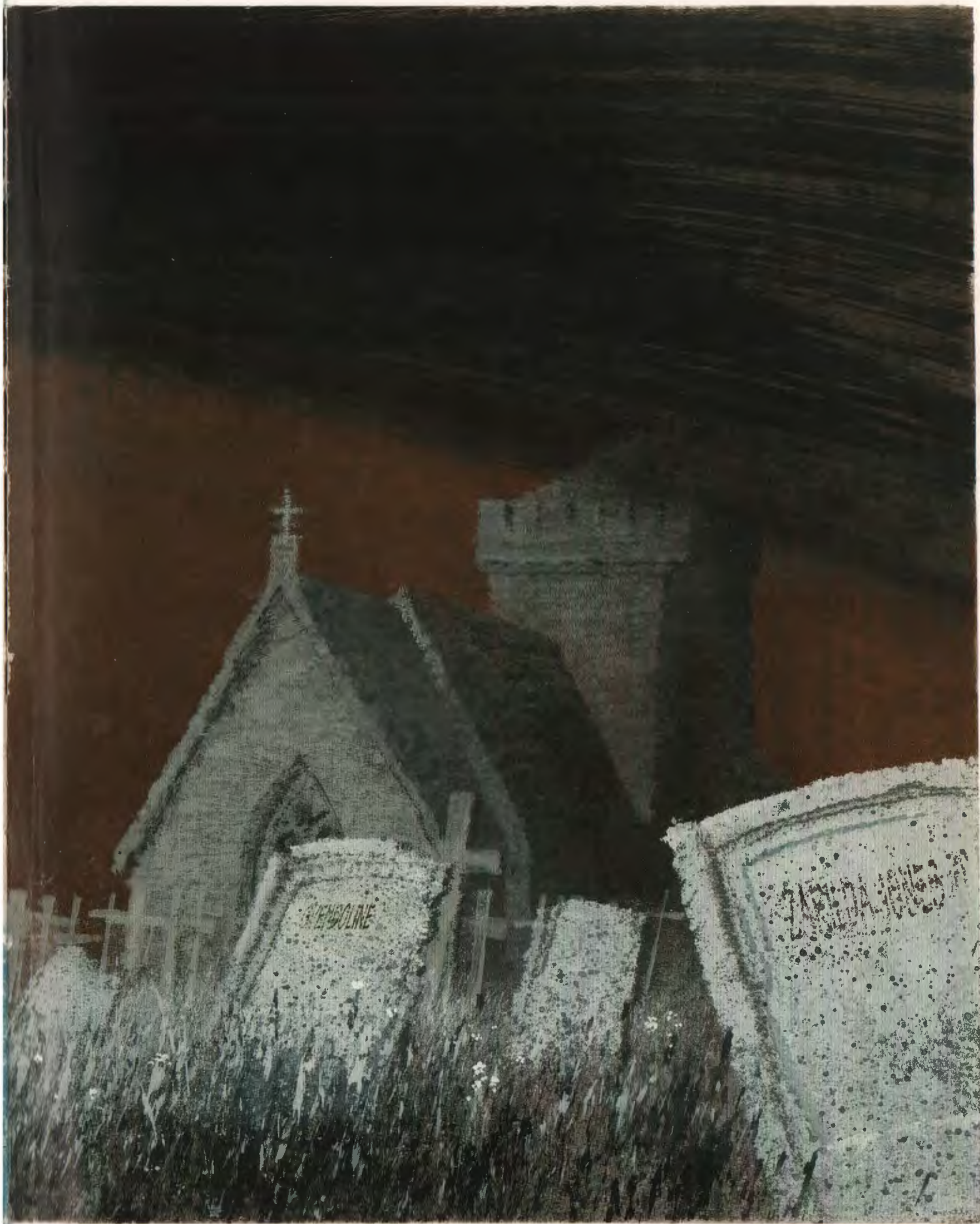
Мортигер вырвал плащ из мёртвых пальцев, взмахнул им и взлетел вверх. Он пронёсся над оградой заброшенного кладбища и вскоре скрылся за верхушками леса.

— Держись крепче за моё плечо, — приказал Мортигер, прижимая жемчужину к груди.

Ветер бил в лицо. Колдовской плащ, надувшийся парусом, мчал их так быстро, что всё, над чем они летели, слилось в одну тёмную полосу.

Мелькнуло круглое озеро. В нём, покачиваясь, собираясь складками, плавало отражение луны.

— Две луны! — завистливо прокаркал Харон. — Мог бы подарить одну луну мне, ну хотя бы её отражение. Вот бы осветить мёртвые волны Стикса...

— Не много ли хочешь? — резко оборвал его Мортигер.

Теперь они снизились и летели над влажными верхушками леса. Донёсся запах горьких ночных трав.

Но вот перед ними вырос высокий тёмный замок. Издали он казался чуть призрачным. Неподвижные окаменевшие слуги стояли у ворот. Двери распахнулись навстречу хозяину.

Драгоценные ковры, устилавшие мраморный пол, были покрыты корочкой инея и похрустывали под ногами графа Мортигера. С заледеневшего потолка тянуло промозглым холодом. Колонны, колонны, засыпанные снизу снегом.

Ворон Харон съёжился на плече графа Мортигера, видно, и его достал холод.

Граф Мортигер вошёл в высокий зал с камином, украшенным каменными драконами. Над замёрзшими поленьями плясали бледные языки холодного пламени. Искры, улетающие в трубу, больше напоминали рой снежинок.

В самой сердцевине огня свернулись клубком ядовитые саламандры. Они извивались, отталкивали друг друга, их спины отливали тусклым золотом. С раздвоенных языков капал янтарный яд. На заснеженном полене гордо возлежала королева саламандр, самая крупная из них, с изящной плоской короной на голове, сверкающей бесценными изумрудами.

Мортигер положил жемчужину на стол, покрытый окаменевшей парчовой скатертью. С её углов свисали прозрачные сосульки.

Саламандры с любопытством вытянули головы, рассматривая жемчужину. Руки Мортигера слегка дрожали, когда он открыл перламутровые створки. Он крепко ухватил бледную дымку и осторожно вытащил её из жемчужины.

— Разруби её, разруби пополам! — прокаркал Харон, кружась над столом.

— Хозяин, хозяин, отдай нам хотя бы кусок этой памяти! — Королева саламандр с шипеньем подняла голову. Её выпуклые глаза жадно горели. — Для нас нет ничего вкуснее грешной памяти. Давненько мы не лакомились. Отруби нам с того конца, где парочка убийств, окровавленный нож и топор. Вот уж мы попируем сегодня на славу! А себе возьми остальное. Слышишь, хозяин?

— Надо же, как вы всё мудро рассудили! — усмехнулся граф Мортигер. — Да, пожалуй, мне хватит небольшого куса этой памяти. То-то изумится принцесса Мелисенда, когда вспомнит, как она дралась на мосту и не протянула руку тонувшей нищенке!..

Еле видные тени внутри бледной дымки, трепеща, заматались, не зная, куда спрятаться.

Но в тот же миг одним движением меча Мортигер разрубил сжавшееся от ужаса облачко пополам.

Брезгливо, двумя пальцами, он схватил кусок памяти, где сцепились несколько теней и мелькали призраки окровавленного ножа и топора. Он небрежно бросил кусок памяти в камин саламандрам. Они с визгом и шипением принялись рвать его на части.

Граф Мортигер усмехнулся:

— Что ж, ешьте, наслаждайтесь. Тут много лакомых кусочков. Вон петля, и флакон с ядом, и кое-что повкуснее...

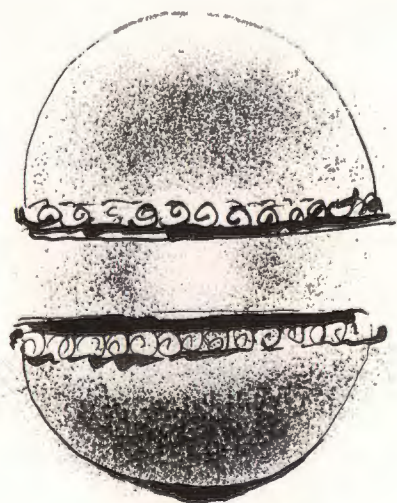
Граф Мортигер бережно спрятал оставшийся кусок памяти в жемчужину. Послышался тихий плеск воды, скрип деревянного ветхого моста, приглушённый вскрик, и жемчужина закрылась.

В камине наступила сытая тишина. Саламандры развалились животами кверху, окружив свою королеву. Холодный огонь тихо гудел. Королева саламандр закрыла глаза, прижав лапой к полену призрак окровавленного ножа.

— Оставлю себе на ужин, — сонно прошипела она.

— А как же я? — с робкой надеждой спросил Харон, раскрывая свой клюв, обведённый кроваво-красной полосой. — Может, на радостях ты вернёшь мне мой древний облик и отпустишь меня, а? Я так скучаю по моему веслу и лодке...

— Замолчи, жалкий плут, — равнодушно проговорил граф Мортигер. — Ты ещё можешь мне пригодиться. А теперь в путь!

ГЛАВА 3

КОЛДОВСКАЯ ЖЕМЧУЖИНА И МНОГОЕ ДРУГОЕ

Н

очь растянула чёрный бархат по небу. Налетел ветер с Южной долины и разогнал облака. Звёзды, сверкая, осыпали всё небо. Полная луна расплавленным серебром залила верхушки деревьев.

Сад жил своей жизнью. Отдохнув после жаркого дня, белые лилии раскрыли свои лепестки. Снизу из травы слышался жёсткий стрёкот кузнечика. Птицы заливались на все лады. Но, перекрывая их щебет, царственно звучал голос Соловья.

Вдруг, словно выскользнув из ночного мрака, над садом появился стремительно летящий человек в чёрном плаще, наполненном ветром. На его плече сидел, вцепившись когтями, большой ворон. Он изредка взмахивал крыльями, чтобы удержаться.

Луна на миг осветила бледное, зеленоватое лицо графа Мортигера. Всюду, куда падала тяжёлая тень его плаща, замолкали птицы, цветы закрывали свои венчики. Всё погружалось в глухой, непробудный сон.

Граф Мортигер подлетел прямо к окну опочивальни принцессы Мелисенды.

Он неслышно ступил на подоконник. Сверкнула, как звёздочка, золотая шпора на его сапоге.

Разметавшись на широкой постели, в пене кружев и тонкого шёлка сладко спала принцесса Мелисенда. Луна осветила её прелестное лицо, светлые кудри отливали лунным серебром.

Она, как ребёнок, беспечно улыбалась во сне.

— Принц Амедей, — тихо и нежно прошептала она.

— Вот что тебе снится... — Сколько ревнивой злобы было в свистящем шёпоте Мортигера! — Что ж, подождём. Скоро тебе будут сниться другие сны!

Тень Мортигера упала на спящую принцессу. Она шевельнулась и страдальчески застонала.

— Спи, спи! — ровным голосом проговорил граф Мортигер.

Из складок своего плаща он достал светло-сияющую жемчужину, открыл её и выпустил на волю обрывок тёмной дымки.

— Держи её крепче! — резко приказал он Харону.

Чёрный ворон крепко ухватил когтями летучую дымку, прижал её к себе крыльями.

В тишине тяжело упали слова страшного заклинания:

Призываю мрак и тьму!
Память светлую возьму
И в жемчужную тюрьму
Я навеки заточу.
Будет все, как я хочу!
А в обмен отдам назад
Память чёрную, как ад...

Принцесса, не просыпаясь, слабо вскрикнула.

И вдруг, покорное заклинанию, что-то светлое, летучее поднялось над ней и испуганно закружилось, то касаясь её глаз, то боязливо прячась у неё на груди.

— Память принцессы! — с торжеством прошептал граф Мортигер. — Наконец-то! Как часто бьётся её сердце...

Держа в руках раскрытую раковину, он потянулся к прозрачному облачку. Его движения стали быстрыми и точными. Облачко метнулось в одну сторону, в другую.

Но раскрытые створки жемчужины словно втянули в себя чистую, без единого пятнышка память принцессы.

Граф Мортигер поспешно захлопнул жемчужину и спрятал в глубоких складках своего плаща. Выхватил из когтей Харона обрывок тёмной памяти. В глубине её мелькнули волны, протянутые из воды дрожащие руки...

Мутная дымка коснулась глаз принцессы, её губ, сердца... И, постепенно проникая в неё, исчезла.

— О, Боже! — прошептала принцесса Мелисенда, не открывая глаз. — Какой тяжёлый сон... Чёрный жених...

— Кажется, я добился своего, — с торжеством прошептал граф Мортигер, отступая от постели принцессы. — Вот какие теперь тебе снятся сны, моя радость!..

— Ловко, ловко всё получилось, — просипел ворон Харон, — ничего не скажешь. Колдовство — великая сила!

— Тише ты! — прошипел Мортигер.

Он отступил к окну. Один взмах плаща — и он повис в воздухе.

— Любопытно было бы посмотреть на принцессу, когда она проснётся, но это опасно, — Мортигер с трудом отвёл взгляд от пленительного, омрачённого тревогой и недоумением, лица принцессы. — Она слишком умна. И может о многом догадаться...

Ночная темнота скрыла его и Харона, словно была с ними заодно.

Луна не успела коснуться верхушек деревьев, как на ветке берёзы проснулся Придворный Воробей.

Он вздыбил пёрышки, отряхнулся, обрызгав всё вокруг каплями ночной росы, и с изумлением посмотрел по сторонам.

— Вот чудеса! — воскликнул он в недоумении. — Никогда я не спал так крепко! Поглядите-ка, и все птицы, все до единой, тоже спят. Эй, проснись, приятель!

Он подлетел к Соловью и бесцеремонно толкнул его в бок.

— А? Что? — сонно откликнулся Соловей. — Нельзя ли повежливей? Я вам не кто-нибудь! Я великий певец ночи!

— То-то, приятель, ты чуть не свалился с ветки.

Воробей тем временем будил мелких пташек, синичек, малиновок.

Наконец он заглянул в дупло Совы. Старая мудрая птица с трудом проснулась, открыла круглые зелёные глаза, помолчала, не в силах понять, что с ней произошло.

— О-ох! — вздохнула она, прогоняя остатки сна. — Как я могла уснуть, я, ночной сторож? Нет, не спорьте, тут какая-то тайна. И не возражайте мне: не простой это был сон, уж вы мне поверьте!

«Неужели колдовской? — с опаской подумал Воробей. — Только этого не хватало!»

Несколько взмахов коротких крыльев, и он влетел в спальню принцессы Мелисенды.

Принцесса спала. Но её лицо, освещённое расколотым на куски светом уходящей луны, показалось Придворному Воробью полным страдания и тревоги.

Придворный Воробей уселся на спинке постели. Среди смятого кружева и шёлка он вдруг увидел чёрное, словно обугленное, перо.

«Э-э! Вон оно что! — подумал умный Воробей. — Перо Харона, нет сомнения. Значит, и граф Мортигер побывал здесь. От таких гостей не жди добра. Это уж точно!...»

ГЛАВА 4

ЗВОН КОЛОКОЛА И МНОГОЕ ДРУГОЕ

Принцесса Мелисенда проснулась. По детской привычке потёрла кулачками глаза, потянулась. «Какой мне приснился странный сон. В нём всё перепуталось. То мне снилось, что я принцесса и живу во дворце. То мне виделась какая-то низкая комната, полная странных людей. А я в маленьком чулане тру песком закопчённые котлы. Приснится же такое!..»

Принцесса вздохнула и открыла глаза. Она с удивлением оглядела высокий потолок из лазурита, золотых амуров, поддерживающих тонкий полог.

Она на мгновение замерла и быстро соскочила с постели.

«Как я сюда попала? — в недоумении думала она. — Боже! Наверное, во сне я неведомо как пробралась в этот дворец, улеглась на чужой постели... Теперь меня схватят и бросят в тюрьму. А вдруг ещё дознаются, что я... я — убийца. Страшно вспомнить, ведь я убила эту несчастную. Она захлёбывалась. Эти мутные волны... А я не протянула ей руку. Боже, какая тяжесть и тоска на сердце. А её руки протянуты ко мне! Надо скорее бежать отсюда...»

Она с ужасом посмотрела на роскошное платье, лежавшее на кресле, и небрежно рассыпанные драгоценности.

«Ещё скажут, что я воровка. Тюрьма, глухие решётки — вот что меня ждёт. А если узнают к тому же, что я убийца, что я стояла на мосту, когда она захлёбывалась, в тот страшный день... Меня повесят».

Мелисенда в одной тонкой рубашке скользнула в дверь. Тёмная галерея. Шарахаясь от доносившихся шагов, бросилась в узкую комнату с тусклым окном.

Здесь в беспорядке валялись платья из жёсткой серой материи, косынки, фартуки. В углу грудой лежали поношенные башмаки.

«Это, верно, комната служанок, — лихорадочно подумала Мелисенда, натягивая первое попавшееся под руку платье из грубой колочей ткани. — Ох, велико! Ничего, затяну поясом».

Голову обмотала старым платком.

Сунула босые ноги в разношенные башмаки. Нет, велики. А эти ещё больше.

Галерея кончалась светлым проёмом. Что-то подсказало ей, что дальше будет лестница в сад. И правда, вот ступени, сбегаящие вниз, а дальше пестрота цветов.

Замирая, Мелисенда сбежала по лестнице, придерживая платок у горла, низко опустив его на лицо.

— Ишь, растопалась, деревенщина! — сердито огрызнулся на неё садовник. — Ещё принцессу разбудишь.

«Как странно, — подумала Мелисенда. — Я думала, все садовники добрые. Ведь они проводят целый день среди цветов...»

Мелисенда свернула на боковую дорожку и вдруг замерла, вся сжалась от страха. Навстречу ей, улыбаясь своей холодной страшной улыбкой, шёл граф Мортигер.

— Куда торопишься, красавица? — проговорил он уверенно и неспешно, наслаждаясь её растерянностью. — Уж не ко мне ли, в мои объятья?

Мелисенда метнулась в сторону, но граф Мортигер раскинул руки в стороны и преградил ей путь.

«Как странно и страшно. Я как будто знаю этого человека и не знаю, — в смятении подумала Мелисенда. — Видела его когда-то и не видела никогда... Кажется, его зовут граф Мортигер. Но откуда мне это известно?»

— И всё-таки ты не подала ей руку, стоя тогда на мосту, — улыбаясь, медленно и твёрдо проговорил граф Мортигер. — Теперь мы породнились с тобой, моя маленькая убийца!

Всё поплыло перед глазами Мелисенды. Она резко повернула назад и, теряя дырявые разношенные башмаки, бросилась со всех ног по дороге.

Среди золотистого песка попадались острые камешки. Они в кровь изранили её босые ноги.

Граф Мортигер с усмешкой смотрел на узкие кровавые следы.

— Как ты думаешь, две чёрные птицы могут лететь рядом? — с насмешкой крикнул он ей вдогонку. — Или ты до сих пор считаешь себя белым лебедем, хотя и не протянула ей руку? Ты стояла на мосту, а она тонула в мутных волнах.

Мелисенда вскрикнула от ужаса и припустилась ещё быстрее.

Оглянувшись, она увидела, что Мортигер настигает её, иногда взмывая вверх и повисая над дорожкой.

Мелисенда в растерянности остановилась на распутье, прижав руки к груди. Перед ней были три тропинки. По какой бежать? Вдруг одна из них приведёт её прямёхонько к замку графа Мортигера, и она, как загнанный зверёк, угодит в расставленный капкан?

Вдруг перед ней, взмахивая изрядно пощипанными крылышками, появился Придворный Воробей.

Он повернул к ней головку, что-то чирикнул, словно советуя ей следовать за ним.

— Сейчас я остановлю тебя, моя прелесть! — грозно прозвучал позади неё голос Мортигера.

Будь же мне, огонь, покорен!

Всё сожги под самый корень.

И при солнце, при луне

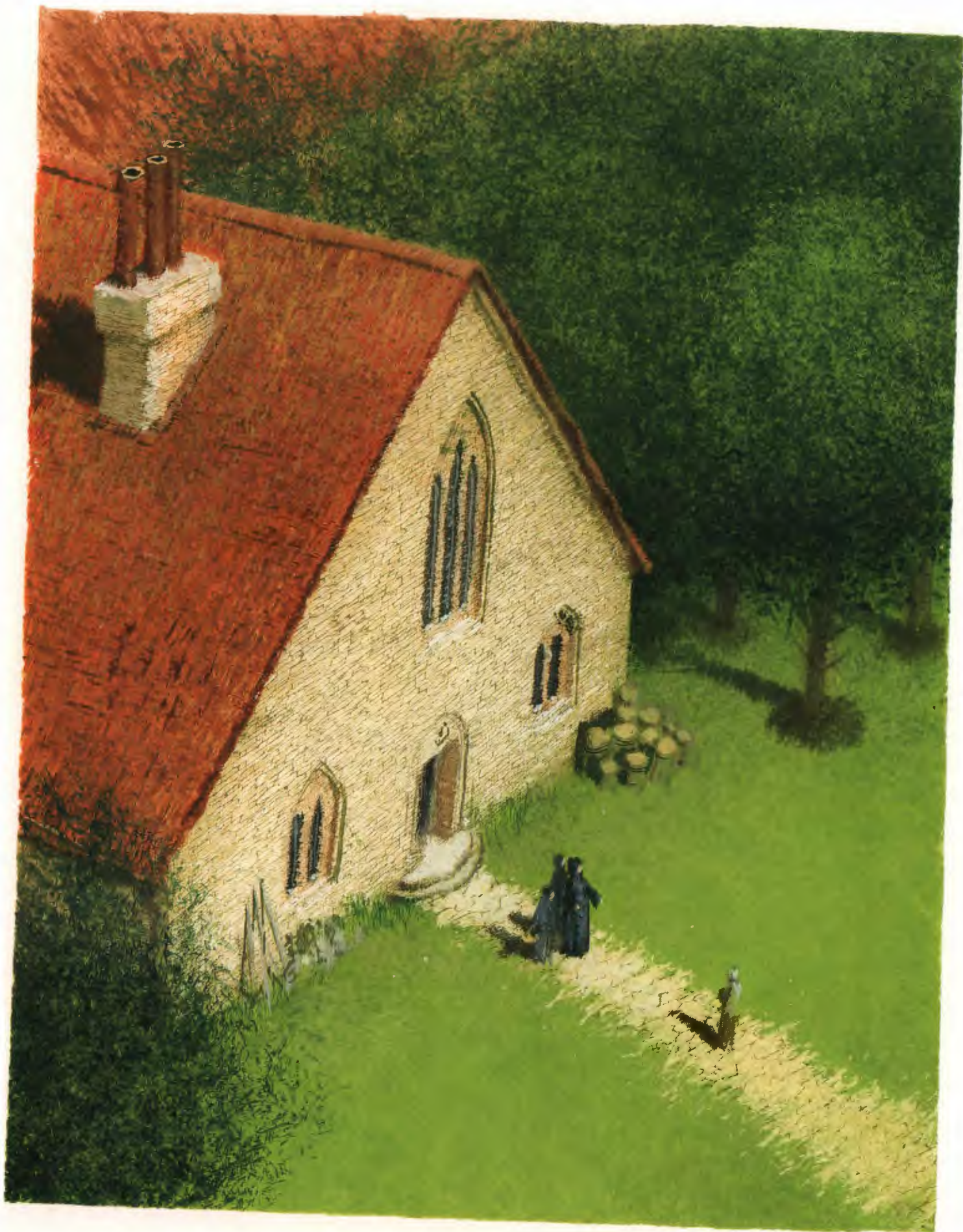
Будь, огонь, покорен мне!

В тот же миг, преграждая Мелисенде путь, перед ней внезапно взвилась полыхающая стена огня.

Деревья, корчась, падали, превращаясь в груды раскалённого угля. Нестерпимый жар пахнул в лицо. Она, невольно вскрикнув, отступила назад, и ещё мгновение — попала бы в раскрытые объятия графа Мортигера.

— Ну и заклинаньице! Сейчас мы сгорим! — в отчаянии пискнул Придворный Воробей. Одно крыло у него было уже опалено.

В эту минуту, заглушая вой и свист огня, раздался могучий гулкий звон церковного колокола.

Ещё один певучий удар — и огонь, шипя, приник к земле, языки пламени свернулись и погасли.

Мелисенда оглянулась. Граф Мортигер бессильно повис в воздухе, лицо его было искажено яростью и гневом. Придворный Воробей скрылся в кустах. Мелисенда перескочила через обгорелые сучья и за поворотом тропинки увидала стены старинного монастыря, сад, грядки с овощами.

Три монахини в простых, смиренных одеждах шли ей навстречу.

Увидав её заплаканное, испуганное лицо, самая старшая из монахинь ласково обняла её, прижала к груди, поправила прожжённый искрами платок на голове.

— Что с тобой, дитя моё? — голос её был полон сострадания и участия. Мелисенда задрожала с ног до головы. О, если бы она могла открыть этой доброй женщине своё сердце, рассказать, что её терзает.

Но как только монахиня узнает, что девушка, которую она пожалела, — убийца, она с гневом и отвращением прогонит её.

Вторая монахиня, совсем юная, такая худенькая в своём сером платье, вынесла глиняную чашку с ещё тёплым молоком и кусок хлеба.

Мелисенда встала на колени и приняла из её рук глиняную чашку. Она с жадностью съела хлеб, запивая его молоком.

— Оставайся у нас в монастыре, — юная монахиня посмотрела на неё своими чистыми, прозрачными глазами. — Здесь ты обретёшь покой и надёжный кров.

«Боже мой, на мне лежит проклятье. Я — убийца. Как я останусь в этом святом убежище? — содрогаясь, подумала Мелисенда. — Что со мной было прежде? А, помню... Я мыла посуду в придорожном трактире...»

— Я не смею, — опустив голову, робко проговорила Мелисенда. — Я слишком грешна...

И тут же за её плечом певучее Эхо повторило:

— Грешна-на-на-на...

— У нас тут поселилось доброе Эхо. У него такая богатая фантазия, — улыбнулась молодая монахиня. — Наверное, ему нравится звон нашего колокола.

— Ла-ла-ла! — подхватило Эхо.

— Посмотри на её ноги — они изранены, — сказала старая монахиня. — Кто-нибудь принесите ей мягкие башмаки.

— Ки-ки-ки! — пропело Эхо.

Девочка-монахиня скоро вернулась, держа пару башмаков из тонкой кожи.

Мелисенда зашнуровала башмаки и тут же почувствовала, как боль в ногах начинает проходить.

— Ты так добра. Прости... — Мелисенда боялась поднять глаза.

— Ти-ти-ти! — загремело сразу со всех сторон.

Мелисенда низко поклонилась монахиням. С грустью посмотрела на монастырь, такой надёжный, несокрушимый, с крепкими железными дверями, и вышла за ворота.

ГЛАВА 5

БРОДЯЧИЕ БОЛОТНЫЕ ОГНИ И МНОГОЕ ДРУГОЕ

З

а монастырём стеной поднимался густой лес. Туда вела узкая тропинка. Прохладные тени манили Мелисенду.

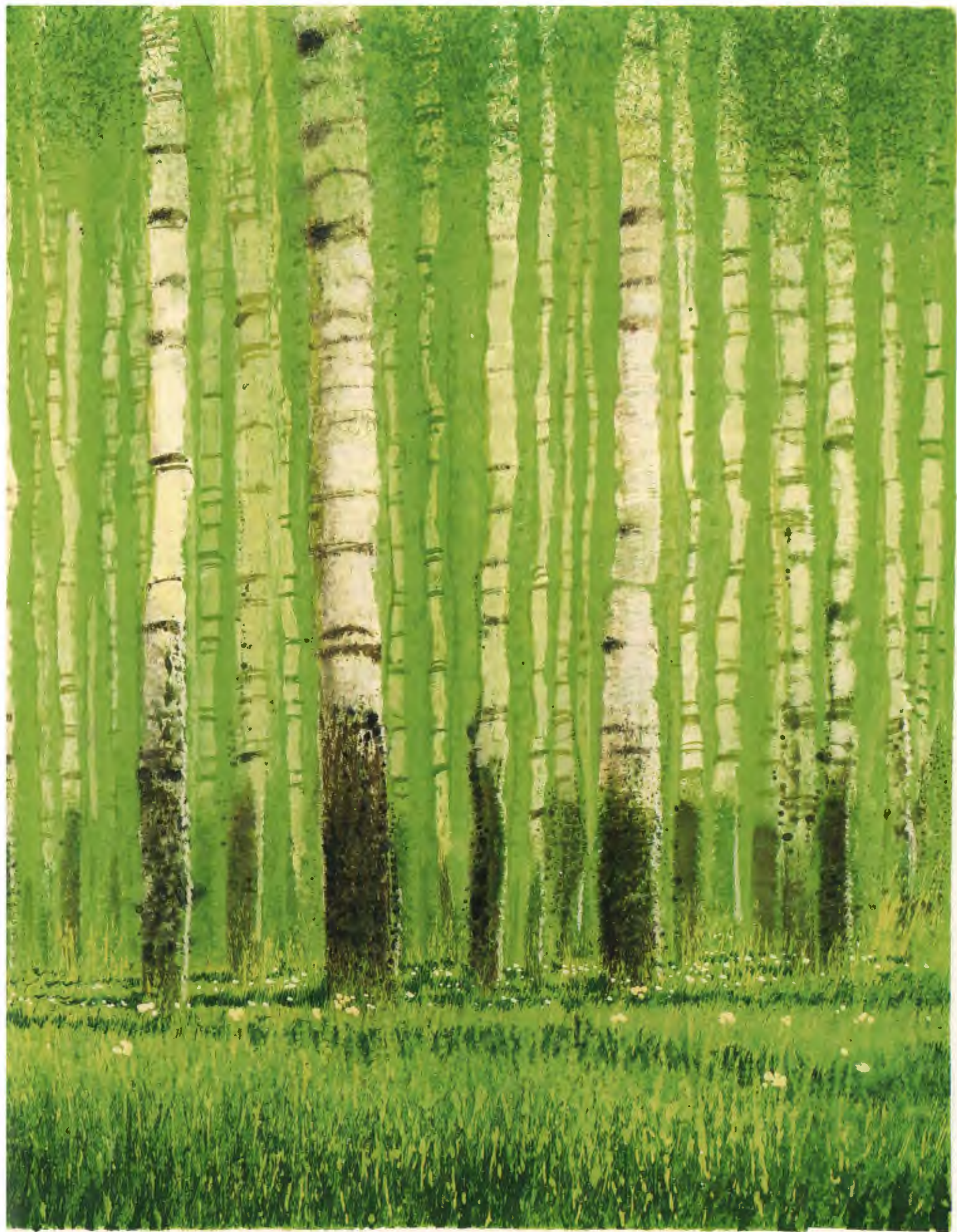
«Может быть, граф Мортигер не отыщет меня здесь. Это добрый лес, как приветливо шелестят его ветви. Он не выдаст меня!..» — с надеждой подумала Мелисенда.

Тропинка петляла между могучими деревьями.

Густые заросли сменялись полянами, пронизанными светом.

Наконец тропинка вывела её к лесному прозрачному ручью. Мелисенда наклонилась, ополоснула лицо и присела у корней старой берёзы. Зелёные тени толпой окружили её.

— Я такая грешница, что боюсь смотреть вверх на чистое небо, — с болью в сердце прошептала она. — Как это страшно и печально...

— Но-но-но... — гулко подхватило Лесное Эхо.

— Ты здесь? — обрадовалась Мелисенда. — Ты пошло за мной?

— Ну и что? — откликнулось Эхо. — Куда хочу, туда и лечу-чу-чу-чу! Мне просто понравился твой голосок-сок-сок-сок!

— Ты ещё говорить умеешь? — изумилась Мелисенда.

— А почему бы нет? — обиделось Эхо. — Как будто только люди могут говорить. Вот зазнайки-ки-ки-ки-ки...

— Спасибо тебе, Лесное Эхо! — Мелисенда огляделась, но, конечно, никого не увидела. — Ведь я совсем одна. Теперь мне не будет так одиноко и печально.

— Но-но-но!... — Лесное Эхо, затихая, закружилось вокруг неё.

«Как я устала, — подумала Мелисенда, — но я не буду спать...»

Она прилегла в душистую траву, подстелив под голову платок. Берёза бросала на неё кружевную тень.

— Я не засну, — прошептала Мелисенда.

— Ну-ну-ну... — усыпляюще повторило Лесное Эхо. — Ну-ну-ну...

Берёза что-то тихо шептала. Птицы пели всё тише, словно убаюкивая её.

Через минуту усталая Мелисенда уже крепко спала. Ей снились пёстрые, путанные сны. Дворцы, драгоценности — всё уплывало в темноту. Убогая низкая комната, закопчённый потолок. Бутылка кислого вина. Мелисенде снилось, что она пьёт прямо из горлышка кислое, едкое вино. Но вдруг откуда-то появился драгоценный кубок с душистым настоем, и опять всё скользило куда-то, исчезало.

Мелисенда проснулась от лёгких пушистых прикосновений. Около неё стояли два круглых маленьких существа, похожих на золотые шарики. От них во все стороны разлетались тающие тёплые лучи.

— Это мой старший братец, — сказал тот, который был ростом поменьше.

— А это мой милый младший братишка, — сказал второй шарик.

— Я никогда вас не видала. Кто вы такие? — спросила Мелисенда, приподнимаясь на локте. — Мне кажется, вы очень милые.

— Да, мы очень, очень милые, — в один голос сказали оба братца. — Только очень несчастные. Мы — Бродячие Болотные Огни, чудесные Болотные Огни. Но злой чародей Мортигер иссушил наше родное болото. И теперь мы оба, да и все остальные Болотные Огни в отчаянии разбредлись кто куда.

— Да-да-да... — участливо откликнулось Лесное Эхо.

— Мы скоро совсем, совсем погаснем, — всхлипнул младший брат. — Нам бы хоть немного золота, чтобы поддержать наши силёнки.

Мелисенда повертела на пальчике золотое колечко. Откуда оно у неё?

— Вот, возьмите, — Мелисенда протянула им колечко. — Жаль только, что пальцы у меня такие тонкие, и потому кольцо такое узкое.

Братцы с радостью схватили подарок. Теперь Мелисенда разглядела их прозрачные руки с крошечными пальчиками. Они разломали колечко пополам, усевшись на корень берёзы, стали с хрустом поедать золотые половинки.

Болотные Огни сразу преобразились. Они распушились, засверкали, с восхищением оглядывая себя.

— Спасибо тебе, девушка с умными глазами! — торжественно сказал старший брат. — Право же, ты очень недурна. Но если бы ты ещё жила на болоте, ты была бы ещё милее.

— Е-е-е! — затихая, откликнулось Лесное Эхо, уже откуда-то издалека. Видно, ему прискучила болтовня Болотных Огней.

— Вы не знаете, как мне выбраться из этого леса? — торопливо спросила Мелисенда, видя, что Болотные Огни уже почти скрылись за кустами жимолости.

— Как же, как же, конечно знаем! — болотные братцы выглянули из кустов. — Пойдёшь налево — выйдешь прямо к нашему любимому болоту. Увидишь его — будешь плакать целый день, ведь наше болото высохло.

Золотые слёзы покатались из глаз Болотных Огней. Они широко открыли рты и, собрав золотые слёзы в ладошки, тут же с удовольствием начали их жевать.

— Ты иди направо и окажешься на большой дороге. По ней ходят и ездят люди, но они шарахаются от нас, словно мы какие-то призраки из замка Привидений, который, к счастью, далеко отсюда. Но гораздо ближе, совсем рядом трактир «Весёлый Гусь». Так что сама решай, куда тебе идти, девушка с умными глазами. И спасибо тебе за колечко. Оно было очень, очень вкусное.

Болотные Огни низко поклонились и исчезли за кустами жимолости.

ГЛАВА 6

ТРАКТИР «ВЕСЁЛЫЙ ГУСЬ» И МНОГОЕ ДРУГОЕ

Наверное, ещё целый час бродила Мелисенда по лесу, пока не выбралась на проезжую дорогу.

Она присела, чтобы отдохнуть, на обочине, заросшей густой травой.

«Трактир «Весёлый Гусь» — что-то знакомое в этих словах. Может, я когда-то была там?»

Почему-то ей вспомнились закопчённые котлы и чёрные сковороды. Она тёрла их песком. Ещё были пивные кружки, много-много кружек, она их споласкивала в бочке с водой. Туманные, призрачные кружки и кувшины...

Послышался цокот копыт, скрип колёс. Из-за поворота выехала повозка. Лошадка бодро бежала по дороге.

В повозке бренчала глиняная посуда, яркая, пёстрая, с расписными узорами. На козлах сидел возчик в высокой шапке с пёрышком.

— Эй, оборвашка! — окликнул её возчик. — Куда бредёшь? Где ты взяла такие славные башмаки? А ну, подойди поближе.

— Мне дали их в монастыре. — Мелисенда сделала несколько робких шагов к повозке. — Скажите, пожалуйста, далеко отсюда трактир «Весёлый Гусь»?

— За полчаса доберёшься, — ответил возница, приглядываясь к ней. — А ты вроде хорошенькая. Не бойся. Я — Фильдрём, продавец глиняной посуды. Спроси кого хочешь, меня тут в округе все знают. Да полезай же в повозку! Я тебя подвезу.

Мелисенда посмотрела ему в лицо. Оно было недоброе и хитрое. Не сводя с неё глаз, он облизнулся.

— Спасибо, господин, я и так дойду. Я не устала, — сказала Мелисенда, отступая от повозки.

— Ишь какая принцесса нашлась, а в животе небось урчит от голода, — глаза Фильдрема недобро блеснули.

Ветер пронёсся по дороге, пригибая ветви деревьев. Платок сполз с головы Мелисенды, блеснули её золотые волосы.

— Да ты и впрямь красotka! — воскликнул Фильдрём. — А какие волосы, ну прямо чистое золото! Иди ко мне, малышка, садись рядышком, не пожалеешь. Если не будешь строптивиться, отсыплю тебе звонких кругляшек. Забирайся ко мне в повозку. Я тебя славно прокачу!

— Чу-чу-чу! — загремело вдруг со всех сторон. — Чу-чу-чу!

Лошадь вскинулась на дыбы, рванула постромки и помчалась во весь дух, не слушаясь ни кнута, ни криков Фильдрема.

А Мелисенда поспешно перепрыгнула через канаву и скрылась за густым кустарником. Когда Фильдрём обернулся, на дороге уже не было ни души.

— Спасибо тебе, Лесное Эхо! — прошептала Мелисенда. Она боялась крикнуть погромче. — Похоже, мне грозила большая беда!

— Да-да-да! — затихая, откликнулось Лесное Эхо.

Ласковый ветер гулял по Южной долине. Высокие деревья, росшие вдоль дороги, переплелись ветвями и тенями.

Но вот за поворотом показался сложенный из толстых брёвен трактир с пёстрой вывеской.

«Как будто я его уже видела когда-то, — подумала Мелисенда. — Или это мне только снилось?..»

Над дверью висела яркая вывеска. Синий гусь танцевал на блюде, кокетливо подняв одну красную лапку. Но глаза у него почему-то были грустные.

Несколько скользких ступенек вели вниз. Мелисенда толкнула тяжёлую дубовую дверь и перешагнула порог. Низкий подвальчик с почерневшим потолком был затянут удушливым чадом. В очаге грудой были свалены поленья. На вертеле жарились сразу несколько гусей, жир с треском капал прямо в огонь. Ощипанные перья валялись тут же на полу.

На грубо сколоченных скамьях, развалясь, сидели мужчины, курили глиняные трубки, прихлёбывали тёмное пиво. Кто-то хрипло затянул песню.

«Нет, теперь я точно знаю. Я когда-то уже видела этот подвальчик, — вспомнила Мелисенда. — Так же чадил очаг. И между столами ходила хозяйка с оголёнными плечами в лиловом платье».

Мелисенда пригляделась к хозяйке. Да, и раньше она вот так же ходила между столами, поводя плечами и привычно улыбаясь. Когда кто-то из пьяных гуляк протягивал ей деньги, она в тот же миг хищным незаметным движением хватала монеты и засовывала себе за корсаж.

— Эй, Зазельма, хозяйка, подай ещё пива! — послышалось из угла.

Хозяйка всё с той же неподвижной улыбкой кивнула головой и направилась к большой дубовой бочке. Тут она увидела Мелисенду.

— А тебе что надо? — грубо спросила она. Сладкая улыбка мигом слетела с её лица. Оно стало подозрительным и недобрим.

— Вам не нужна служанка? — робко спросила Мелисенда.

Какие-то туманные образы прошли перед её мысленным взором. Она почувствовала, что её руки словно бы ошпарены кипятком.

— Я могу мыть котлы и сковороды, — неуверенно добавила Мелисенда.

— Эй, Зазельма, пиво неси! — слышались шаткие голоса захмелевших гуляк.

— Сейчас, мои хорошие, сейчас! — улыбка снова появилась на её тёмно-красных губах.

— Вот что, девчонка! — она снова повернулась к Мелисенде. Окинула её испытующим взглядом. — На деньги не рассчитывай. Ступай в тот чулан с окошком. Я буду подавать тебе кружки и миски. Мой их как следует в горячей воде. Что-то, погляжу, у тебя слишком нежные и белые руки. Где уж тебе поднять котёл с кипящей похлёбкой или оттереть песком сковородку. Ну да посмотрим. Служанка мне так и так нужна. Спать будешь на тюфяке вон там в углу. А вечером дам тебе гусиные шейки. Погрызёшь их — с тебя и хватит.

Она толкнула Мелисенду в тёмный чуланчик. В дощатой стене было проделано полукруглое окошко.

— Быстренько споласкивай, да подавай мне чистые. Чтоб блестели! — приказала Зазельма. — И не вздумай прикладываться к бочке с пивом. Увижу — тебе несдобровать!

В маленькой каморке с оконцем, выходящим в большой зал, было влажно и жарко. Бурлил котёл с кипятком, рядом стоял чан с холодной водой.

Вдоль окна на полке росла груда жирных тарелок и кружек, облепленных пивной пеной.

Мелисенда начала мыть тарелки и чуть было не ошпарила руки в кипятке. Подула на пальцы и начала мыть кружки из-под пива.

Хозяйка то и дело подходила к оконцу и хватала чистую посуду.

— Нескладёха, неумеха! — сердито бранила она Мелисенду. Нельзя было не удивиться, как быстро исчезала добрая улыбка, когда Зазельма поворачивалась к Мелисенде. И как улыбка появлялась снова, стоило ей только вернуться к разгулявшимся гостям.

Вдруг слышались звон битой посуды, крики и грубая брань.

— Ах ты, мерзавец, ворюга, чтоб ты сдох! — вопил краснолицый гуляка.

— Ворюга-га-га-га! Сдох-ох-ох-ох! — с наслаждением повторило невесть откуда взявшееся Лесное Эхо.

— Замолчи сейчас же! — прошептала Мелисенда. — Не смей повторять такие грубые слова!

— Это я-то ворюга? — высокий парень занёс над краснолицым кувшин с вином. — Я тебе сейчас проломлю башку!

— Башку-ку-ку-ку! — вне себя от восторга повторило Лесное Эхо.

— Иди сейчас же в лес. Принеси мне песенки птиц! — Мелисенда просто не знала, что ей делать. Как утихомирить разгулявшееся Эхо?

— Ах вы, мои зайчики! — Зазельма привычным жестом растащила пьяных драчунов в стороны. — Замолчите или убирайтесь вон! Только сперва заплатите за битую посуду.

— Ду-ду-ду! — улетаая, протрубило Лесное Эхо.

Вдруг Мелисенда замерла, прильнув к оконцу.

Через порог шагнул человек, совсем не похожий на посетителей кабачка. Он был молод, одет в богатые дорожные одежды, в плаще из мягкого бархата. Его красивое лицо было омрачено тайной заботой и печалью.

— Я когда-то его видела. Но где, где? — Мелисенда старалась разобраться в путаных воспоминаниях. — Да нет, этого не может быть... Он богат и знатен, сразу видно. А я кто? Нищая бродяжка... Нет, я не могла его видеть...

— Какой дорогой гость! — заторопилась к нему Зазельма. Подобострастная липкая улыбка разлилась по её лицу. — Заходите, принц Амедей! Давненько вы не удостаивали нас своим приходом. А гуси-то как раз подрумянились!

— Спасибо, хозяйка!

Какой знакомый родной голос. Мелисенда прижала мокрые руки к груди.

— Мне сейчас не до еды. Из замка Альзарон пропала моя невеста принцесса Мелисенда. Придворные ищут короля Унгера. Его тоже нет в замке. Тайна окружает исчезновение его и принцессы. Случайно, никто из ваших гостей не встречал их на дорогах?

— Принцессы и короли что-то не часто заглядывают в мой подвальчик, — со вздохом покачала головой Зазельма. — Вот какая-то нищая девчонка-бродяжка забрела ко мне сегодня. Такая нескладёха, копуша. Моей грязную посуду, будто никогда её в глаза не видела.

— А можно мне взглянуть на неё? — сдвинув брови, спросил принц Амедей. — Она ходит по дорогам, может, что-то видела или слышала.

— Да что вы, принц! — от презрительного смеха затряслись белые плечи хозяйки. — Да она дурочка полоумная. Стоит ли вам тратить на неё ваше драгоценное время? Лучше бы откушали гусиную грудку. Не везёт мне со служанками. Одна утопилась, другая попалась идиотка, в голове бараньи мозги с подливкой.

— Ну что ж...— принц Амедей помрачнел ещё больше, вздохнул и положил на ближайший стол золотую монету. И вдруг снова повернулся к хозяйке. — И всё-таки позовите сюда эту нищую девушку.

Зазельма недовольно передёрнула плечами и быстрым алчным движением схватила золотую монету.

— Как вам угодно, принц! Эй, девчонка, иди сюда. Да поживее!

«Он не должен видеть меня, — похолодев, подумала Мелисенда. — Хотя почему?.. Нет, нет, он ищет свою прекрасную невесту, зачем ему смотреть на убогую оборвашку? У меня лицо, наверное, черней сгоревшего угля...»

Мелисенда поспешно выскользнула из чуланчика, три ступеньки вверх... Пахнуло свежестью и тишиной.

— Уже вечер, — удивилась Мелисенда. — Я и не заметила, как бежит время....

Возле трактира бил копытом породистый вороной конь с белой звёздочкой во лбу.

«И этого коня я тоже когда-то видела, — смутно вспомнила Мелисенда. — Наверное, его хозяин когда-то проехал мимо меня. Вот я и запомнила доброе благородное лицо принца Амедея. Так назвала его хозяйка...»

Тем временем в трактире принц Амедей с нетерпением поглядывал на оконце чуланчика, где он только что видел нежные и тонкие руки незнакомой девушки.

Хозяйка распахнула дверь в чуланчик.

— Тысяча чертей! Маленькая дрянь сбежала. Ну что за невезенье! Одна служанка утопилась, другая сбежала. Дверь открыта. Хотела бы я знать, сколько она утащила с собой кружек и кувшинов! Ну, попадись она мне только!

Принц Амедей молча направился к двери.

«Почему-то мне кажется, какой-то внутренний голос мне подсказывает, что я должен был непременно увидеть эту девушку. Как жаль...» — с грустью подумал принц Амедей.

ГЛАВА 7

ЗОЛОТОЙ ЗАМОК И МНОГОЕ ДРУГОЕ

прятавшись за кустами, Мелисенда неотрывно смотрела на дверь трактира.

Ещё хоть раз увидеть принца Амедея, в последний раз... Хотя зачем?

Вот дверь скрипнула, стукнула, распахнулась. Из трактира вышел принц Амедей. Он подошёл к коню, рассеянно потрепал его по холке. Трепещущие огни свечей в низких окнах трактира осветили омрачённое лицо принца Амедея.

— Мой верный Эренлив, — проговорил он и глубоко, безнадежно вздохнул. «Он тоскует по своей невесте. Я даже не смею ей завидовать. Я такая грешная...» — с горечью подумала Мелисенда.

Принц Амедей вскочил в седло и тронул поводья. Каждый удар подковы по случайному камешку на дороге ударял Мелисенде прямо по сердцу.

Она с грустью проводила взглядом удаляющегося всадника. Дорога пошла вверх. На миг она увидела принца Амедея на фоне ночного неба. Сейчас он поднимет руку и тронет звезду...

Но вот дорога пошла под уклон. Всадник и его конь скрылись. Стук копыт затих в отдалении.

«Надо отсюда уйти, да поскорее, — подумала Мелисенда. — Вдруг хозяйка вздумает меня искать».

Из-за леса поднялась серебристая луна. Мелисенде показалось, что она лукаво смотрит на неё и подмигивает из-под набежавшей тучки. Её свет, коснувшись верхушек деревьев, стекал по веткам, и всё вокруг становилось призрачным и зыбким.

Давно затихли разгульные голоса пьяниц из трактира. Тишину теперь нарушал только влажный шелест листвы и, как драгоценности, вставленные в темноту, голоса птиц.

Дорога шла мимо церкви. В открытую дверь был виден в глубине слабо освещённый алтарь и строгие лики святых.

Рядом — кладбище. Кресты, кресты, памятники. Они жались к церкви, словно ища у неё защиты.

За церковной оградой чуть видны были в беспорядке насыпанные холмики, заросшие дикими травами. Ей послышалось, что со стороны заброшенного кладбища ветер доносит невнятные, полные страдания вздохи и стоны.

Вдруг над одной из заброшенных могил поднялись две иссохшие руки. Скрюченные пальцы, унизанные медными кольцами, будто пытались поймать в воздухе что-то лёгкое, невесомое.

— Память... Моя память... — послышался смутный, еле слышный голос.

Мелисенда перекрестилась и ускорила шаг: скорее пройти мимо заброшенного кладбища.

— Там похоронены убийцы и разбойники, — вздрогнула Мелисенда. — Те, кого не приняла церковь, не отпели священники. Здесь, здесь похоронят и меня. И ангел не протянет мне руку, чтобы поднять к светлому порогу. Так же как и я не протянула несчастной руку, когда она захлёбывалась...

Мелисенда шла по пустынной дороге.

Тёплый ветер веял в лицо. Белые ночные лилии слабо светились в темноте.

— Это Южная долина, — Мелисенда глубоко вдохнула свежий воздух. — Здесь всегда так хорошо. И дорога такая прямая. Когда-то я видела прекрасный замок Альзарон. Он тоже стоит на холме над Южной долиной. Только когда это было и было ли когда-нибудь?

Луна поднялась выше. Тени от деревьев стали короче и чернее. Луна раскидала по траве серебристые искры, но вот к ним прибавились золотые вспышки. Их становилось всё больше.

От дороги отделилась посыпанная мелким песком тропинка. Она вела куда-то вверх, то скрываясь в тени высоких деревьев, то снова заманчиво мелькая впереди.

Мелисенда свернула на тропинку.

«Что это? — со страхом и удивлением подумала она. — Я хочу идти дальше по Южной дороге, а ноги против моей воли сами идут по этой тропинке. Это колдовство, не иначе. — Мелисенда попробовала остановиться и не смогла. — Куда же я иду?»

Но вот на вершине холма показался высокий замок. Он, как драгоценная корона, венчал холм.

Тропинка привела её к узорному круто изогнутому мостику, под которым журчал глубокий поток, играя пенистыми волнами. Что это мелькнуло под

водой? Стайка рыб или?.. Нет, нет!.. Она не будет вглядываться в набегающие волны. Неужели теперь всегда она будет страшиться взойти на мост или на две дощечки, перекинутые с берега на берег, лишь бы не увидеть там под водой искажённое лицо и дрожащие руки?

Мелисенда ступила на двор, уложенный сверкающими плитами. Голубой свет луны мешался с золотом. Дорога вела её к высокому замку с множеством башен и башенок.

«Откуда такой блеск? Мне нельзя идти в этот богатый замок, — подумала Мелисенда. — Что скажут его знатные хозяева, когда увидят меня? Они прикажут слугам плетью гнать прочь незваную гостью...»

Но слуг не было видно. Двери, украшенные разноцветным хрусталём, с мелодичным звоном распахнулись перед ней сами собой.

Две колонны из драгоценного лазурита украшали вход в зал. Мелисенда обхватила одну из колонн руками, изо всех сил прижалась к ней, надеясь удержаться и не идти дальше. Но ноги неумолимо повели её из зала в зал. Блеск золота и драгоценностей ослепил её. Золото, золото, всюду золото!

Каждый зал поражал своим великолепием. Стены были украшены узорами из драгоценных камней. Золочёная мебель, тяжёлые шторы с золотыми кистями. Всюду сундуки с откинутыми крышками, полные по края монетами вперемешку с цепями, пряжками, бесценными диадемами.

— Никогда я не видала такой роскоши, — с изумлением оглядываясь по сторонам, подумала Мелисенда. — Как я сюда попала? Моё место в убогих трактирах и придорожных кабаках. Вон даже под ногти набились грязь и копоть...

ГЛАВА 8

ЗОЛОТЫЕ ЦЕПИ И МНОГОЕ ДРУГОЕ

Неожиданно Мелисенда почувствовала чей-то острый, колющий взгляд. Она ахнула и стремительно обернулась. Позади неё в воздухе, поддерживаемый наполненным ветром плащом, легко парил граф Мортигер. Плащ плавно сложился, и граф Мортигер опустился на ковёр, сплошь усыпанный золотыми монетами. На его плече, вцепившись когтями, сидел ворон Харон. В блеске драгоценностей бледное лицо графа Мортигера казалось живее и ещё красивее.

— Ты растерялась, бедняжка! — проговорил он с насмешкой. — Ещё бы! Тебе привычнее мыть пивные кружки в трактире. Но я хочу предложить тебе совсем другую жизнь. Всё, что ты видишь, да и многое другое, стоит тебе только

пожелать, станет твоим. Только согласись стать моей женой, девочка! Сотни служанок и рабов будут счастливы исполнить любую твою прихоть и каприз. Взгляни на этот камень! Я вынул его из короны королевы драконов, живущей на маленьком острове, затерянном в океане. Теперь он твой. Ни один алмаз в мире не сравнится с ним. Возьми его!

— Нет, нет! — проговорила Мелисенда, закрывая глаза ладонью от нестерпимого блеска. Она сделала шаг назад и чуть не упала, поскользнувшись на рассыпанных по полу гладких золотых монетах. — Я никогда не стану вашей женой. Я — убегу, я лучше буду жить в лесу с дикими зверями!

— Вот как ты заговорила, моя девочка! — лицо графа Мортигера потемнело, в глазах вспыхнул багровый огонь. — Глупышка, как ты наивна. Ты думаешь, что можешь играть мной, как тебе вздумается? Нет, дорогая, теперь ты моя собственность, моя добыча. Не хочешь по-хорошему, нищая бродяжка? Увидим, увидим... Ты ещё будешь умолять на коленях, чтобы я взял тебя в жёны!

Мелисенда со страхом посмотрела на него. Что ещё он задумал?

— Досадно, но сейчас мне придётся отлучиться ненадолго, моя прелесть. Впрочем, всё к лучшему, — продолжал граф Мортигер. — Есть у меня сокровище в моём Ледяном замке, бесценное сокровище. Его надо беречь

и сторожить. А мои лентяи слуги от холода так и норовят свернуться клубком и где-нибудь прикорнуть в уголке. Не печалься, я скоро вернусь. Знаю, знаю, девушки любят всякие украшения. Уж не взыщи, моя девочка, что на этот раз их будет, пожалуй, слишком много. Придётся тебе потерпеть. Зато тем больше радости доставит тебе моё возвращение. Посмотрим, как ты тогда запоёшь.

Граф Мортигер отступил на шаг и властно поднял правую руку. Голос его загремел уверенно и повелительно:

— Цепи! Покорные мне цепи! Слушай мой наказ!

Будь ты длинной иль короткой,
Ты обвейся вкруг красотки,
Ляг на плечи и на грудь,
Чтоб ей шагу не шагнуть!

И тут же золотые цепи, свившиеся, как змеи, в сундуках, словно бы ожили.

Первой выползла длинная сверкающая цепь, вся в таинственных узорах. Она, извиваясь, подобралась к Мелисенде, чуть позванивая на мраморном полу. А вслед за ней множество цепей покороче и потоньше выскользнули из сундуков и окружили Мелисенду.

Узорная змея обвилась вокруг её ног, поднимаясь всё выше, стиснула руки, непосильной тяжестью легла на грудь и на плечи. Бесчисленные цепи поменьше оплели её с ног до головы, превратив в неподвижный золотой столб.

Мелисенда застонала, золото тянуло её книзу, но цепи не давали ей согнуться. Она задыхалась.

— О, Боже... — простонала Мелисенда. — Я погибла...

— Нет, моя красавица, ты не погибнешь, — усмехнулся Мортигер. — Но ты должна стать более послушной, стоворчивой. Покорной. И тогда тебя ожидает богатство и счастье. Даже принцессы будут завидовать тебе. Даже принцессы...

Граф Мортигер повернулся на каблуках и направился к двери.

— Я скоро вернусь, — обернулся он на ходу. — Что ты так побледнела, крошка? Я уверен, мы с тобой ещё придём к доброму согласию.

Он расправил плащ и взлетел в воздух. Чёрный плащ надулся, как парус. Мортигер распахнул окно и скрылся в ночных тенях.

— Смерть, приди и возьми меня, — прошептала Мелисенда. — Мои плечи сейчас подломятся под этой золотой тяжестью... Но я лучше умру, чем стану женой этого страшного человека. О, если бы Бродячие Болотные Огни, мои дружочки, были сейчас со мной!

И Мелисенда, напрягая последние силы, как могла громче крикнула:

— Болотные Огни! Сюда, ко мне!
Здесь много, много золота...

Но только голоса ночных птиц нарушали тишину за распахнутым окном. Отчаянье охватило Мелисенду. Цепи, казалось, вот-вот раздавят её. Она снова крикнула, уже совсем ослабевшим голосом:

— Болотные Огни! На помощь, я погибаю...

Опять глухая тишина, даже птицы умолкли.

— Младший братец, чей это голос? — вдруг услышала Мелисенда откуда-то издалека. — По-моему, это зовёт наша девочка — умные глазки!

— Давай заглянем в это открытое окно, старший братец. Там так красиво и светло!

И тотчас в открытое окно влетели братцы Болотные Огни, как всегда, держась за руки.

— Какая прелесть! Сколько вкусного золота! Мы столько не видели никогда.

И Болотные Огни принялись горстями хватать золотые монеты и украшения. Они выплевывали драгоценные камни и, причмокивая, поедали золото. Их лучи становились всё ярче.

— Болотные Огни, мои дружочки, освободите меня от этих тяжёлых цепей! — взмолилась Мелисенда.

— О чём разговор? С превеликим удовольствием! Это мы мигом! — затараторили Болотные Огни, подбегая к Мелисенде.

Они ловко вскарабкались ей на плечи. Братья набивали рты золотом и глотали его, не жуя. Их лучи разгорались, становясь всё горячее.

— Снимите цепи с моих плеч. Мне так тяжело, того гляди, спина подломится, — прошептала Мелисенда. Она с трудом наклонилась вперёд, чтобы братья могли освободить её.

— Вкуснотища-то какая! — бормотали Болотные Огни с набитыми ртами. — Спасибо тебе, девочка с умными глазами!

Цепи исчезали одна за другой.

Мелисенда с облегчением потёрла онемевшие руки. Братья Болотные Огни сидели у неё на плечах, с наслаждением глотая цепи, опутавшие её тонкую шейку.

Тем временем в окна влетело множество Болотных Огней. Они смеялись от восторга, перепрыгивали друг через друга, облизывали стены, поедали золотые кисти, украшавшие оконные шторы.

— Ты нас так накормила! — кричали Болотные Огни, танцуя и прыгая вокруг неё. — Теперь мы не скоро проголодаемся. Хватит нам и нашим деткам, маленьким Болотным Огням! Если мы тебе понадобится, ты только позови. Мы всегда придём тебе на помощь, девочка с умными глазами!

Братья Болотные Огни своими тонкими ручками обняли Мелисенду за шею. Они стали такими горячими, что обжигали Мелисенду. Принцесса стиснула зубы, чтобы не застонать.

— Мне надо торопиться, пока не вернулся граф Мортигер! — еле выговорила Мелисенда.

— Да и нам лучше отсюда убраться по той же причине! — согласились Болотные Огни, соскакивая на пол.

— Спасибо, мои дорогие! — крикнула им вслед Мелисенда и тут же с горечью подумала: «Если бы вы только знали, Светлые Огни, какая я преступница, вы бы не захотели мне помогать...»

Мелисенда выглянула в открытое окно. По всему саду, словно разбросанные драгоценности, светились Болотные Огни. Они подбегали друг к другу, смеялись, расталкивали тех, кто от сытости улёгся на спину и только шевелил руками.

Мелисенда поправила платок на голове. Надо спешить, того гляди вернётся её страшный тюремщик.

Она пробежала один зал, второй. Золота нигде не было. Стояли только пустые сундуки у стен, видно, тут славно похозяйничали Болотные Огни.

Она сбежала по мраморной лестнице и скоро исчезла в глубоких тенях ночного леса.

Как хочется есть... Хотя, ей помнится, она не раз голодала по несколько дней. Надо постараться набрать в лесу ягод, а лучше орехов — они сытнее.

Невозможно описать гнев графа Мортигера, когда он вернулся в свой Золотой замок.

— Что? Где принцесса? — граф Мортигер задыхался от злости.

Он надеялся увидеть красавицу сломленной, смиренной, измученной тяжёлыми цепями. Он думал, что она покорно и униженно будет просить у него прощения за свой неговорчивый нрав.

Но ни принцессы, ни золота в залах уже не было.

— Похоже, здесь побывали разбойники, — граф Мортигер скрипнул зубами от ярости. — Они сняли с неё золотые цепи, они хитрые и проворные, а девчонка тут же улизнула. Но ничего, далеко она не убежит. Эй, Харон, хватит тебе дремать у меня на плече! Ищи беглянку! Совы, мои верные совы! Летите из башен, обыщите весь лес!

— А если я найду девчонку, — чёрный Харон слетел с плеча своего господина, — ты отпустишь меня в подземное царство, к моей любимой лодочке?

— Сначала отыщи её, тогда и поговорим, — отмахнулся от него граф Мортигер. Харон, что-то проворчав, вылетел в распахнутое окно.

Густые ветви наглухо укрыли Мелисенду. Белки показали ей большое дупло, и она, расцарапав локти и колени, забралась туда с ногами.

Птицы тревожными криками предупреждали её, когда между деревьев пролетал Харон или мигали круглые глаза сов. Мелисенда замирала и сжималась в комочек в тесном дупле.

Так ни с чем под утро вернулись к графу Мортигеру его посланцы — чёрный ворон и три десятка сов.

ГЛАВА 9

ПОДСЛУШАННЫЙ РАЗГОВОР И МНОГОЕ ДРУГОЕ

граф Мортигер сидел в глубоком кресле перед камином, где дышало холодом белое пламя над заледеневшими поленьями. Харон, нахохлившись, как всегда, сидел у него на плече.

Мортигера терзала тёмная злоба и глубокое недоумение.

«Невероятно! Как могла исчезнуть принцесса? Я всегда знал всё наперёд, мне не нужны были предсказатели и колдовские зеркала. Она не могла просто так вырваться из золотого плена!»

Мортигер в задумчивости протянул руки к камину: его успокаивали острые иглы холода.

В белых языках пламени появились ядовитые саламандры. Они свились клубком, и из их сердцевины медленно, покачиваясь, поднялась их королева с узорной короной на плоской голове. В зал влетел растрёпанный Воробей и незаметно пристроился на потолочной балке, потирая озябшие лапки.

— Ну и компания тут собралась, — пробормотал он. — Неплохо было бы узнать, о чём они тут болтают.

— Послуш-шай, послуш-шай! — прошипела королева. — В прошлый раз ты угостил нас таким редким лакомством! Для нас нет ничего вкуснее человеческой памяти. Зачем ты прячешь память принцессы Мелисенды в ледяной жемчужине? Лучше отдай её нам. Мы разорвём её на части, съедем, и она исчезнет навсегда.

— Ну и дела! — прошептал Придворный Воробей и чуть не свалился с потолочной балки. — Ушам своим не верю! Память моей любимицы принцессы Мелисенды в какой-то жемчужине! Ужас... Однако послушаем дальше...

Граф Мортигер с довольной усмешкой развалился в кресле.

— Ну уж нет! Я не расстанусь с памятью принцессы ни за какие сокровища. Настанет час, и принцесса станет моей женой. Покорная и смиренная. Тогда я верну ей её память. Мне не нужна жена с памятью трактирной судомойки.

«Какой дьявольский план! — растирая озябшие лапки, подумал Придворный Воробей. — Однако послушаем дальше».

— Очень наивно! — раздражённо прошипела королева саламандр. — Чуш-шь! Чуш-шь! Кончится тем, что кто-нибудь непременно украдёт у тебя память принцессы!

— Это невозможно, — улыбка искривила тонкие, синеватые губы Мортигера. — Тот, кто откроет мою волшебную жемчужину, тотчас же превратится в ледяную статую. Такое уж я наложил заклятье.

Саламандры, разочарованно шипя, уползли под обледенелые поленья.

— Ай да хозяин! — восхитился ворон Харон, взмахивая крыльями, чтобы хоть немного согреться. — Ловко придумано, ничего не скажешь!

Налетевший сквозняк взвихрил искры-снежинки, и они, кружась, улетели в каминную трубу.

«Какая жестокость! — весь дрожа, подумал Придворный Воробей. Он подул на замерзшие лапки. — Если бы я не был так возмущён, я бы, наверное, уже замёрз. Бедняжка Мелисенда, ей подменили память, и что с ней теперь будет? Кто согласится замёрзнуть ради неё? Я, наверное, мог бы расколоть клювом колдовскую жемчужину. Но что скажет моя прелестная воробиха, моя очаровательная невеста, если я превращусь в ледяную птичку? Вряд ли, вряд ли ей это понравится. Разве что посадить меня для красоты на край гнезда, на удивление всем соседям».

Придворный Воробей сокрушённо вздохнул и, неловко взмахивая окоченевшими крылышками, вылетел в окно. Он с наслаждением вдохнул тёплый утренний воздух.

Но на беду в последний момент граф Мортигер заметил серенькую птичку.

— Тысяча дьяволов! — красивое лицо графа Мортигера потемнело от досады. — Проклятье! Нас подслушали. Ничтожный Воробей... Эй, Харон, догони мерзавца и убей прямо на лету!

— Догоню и проткну клювом, — откликнулся Харон. Он уже подлетел к окну, но на лету обернулся. — Но, если я принесу тебе его жалкое тельце, хозяин, ты отпустишь меня в мой родной Аид, к любимой лодочке?

— Тогда и поговорим... — хмуро откликнулся граф Мортигер. — Сначала поймай эту маленькую дрянь.

Взмахивая тяжёлыми чёрными крыльями, Харон без труда догнал насмерть перепуганного Воробья. Он уже нацелился на него своим твёрдым, как железо, клювом... Но Воробей, жалобно пискнув, опустился ниже и скрылся в густой листве, искусно скользя между деревьями. Широкие крылья Харона цеплялись за ветви, и он невольно отстал.

Но вот лес кончился, и Воробей помчался над зелёным лугом, торопясь к берёзовой роще.

— Попался, дурашка, не успеешь! — Харон уже приготовился прикончить жалкую птичку.

Но в это время наперерез ему со стороны замка Альзарон показался прекрасный Сокол, любимец короля Унгера. Его могучие крылья отливали серебром,

изогнутый клюв был направлен прямо на ворона. Легко паря в воздухе, он вытянул могучие когти, готовый вцепиться в спину ворона. Страшно сверкнули его круглые янтарные глаза.

Ну, уж нет! Погибнуть из-за какого-то ничтожного воробья! Харон камнем упал вниз, вильнул в сторону и помчался над лесом назад, к замку своего повелителя.

Придворный Воробей, еле дыша, радуясь безопасности, пристроился рядом с Соколом.

— Что, мой хороший, перепутался? — ласково спросил его Сокол. Они были закадычными друзьями и часто летали вместе, обсуждая придворные новости.

— И не спрашивай! — отдуваясь, еле выговорил Воробей. — Лети помедленней, приятель. Вот послушай...

И Воробей рассказал Соколу всё, что он услышал в Ледяном замке графа Мортигера.

— Козни, колдовство, магия, вот что это такое! — возмущённо воскликнул Сокол. — Ясно одно: нам надо во что бы то ни стало обо всём поведать принцу Амедю. Он так любит свою невесту! Но как это сделать?

— Есть у меня одна мыслишка, — неуверенно сказал Придворный Воробей. — Только не лети так быстро, я еле дышу. Вот если бы нам отыскать Лесное Эхо... Ну, что ты летишь, как на пожар? Лесное Эхо понимает язык птиц. А уж ему ничего не стоит рассказать принцу Амедю, что случилось с красавицей принцессой...

— Отличная мысль! — восхитился Сокол, делая круги над Воробьём, чтоб тот хоть немного отдышался. — Но как найти Лесное Эхо? Ты знаешь?

— Мы с ним друзья! — с важностью чирикнул Воробей. — И всё-таки это дело не простое. Надо облететь все ближайшие замки, леса и перелески. Ты будешь звать Эхо своим голосом, а я чирикать по-своему. И так до тех пор, пока оно не откликнется...

Сокол и Воробей облетели всю округу.

Люди, задрав головы, ахали, удивлялись, провожали их взглядами.

Зазельма, хозяйка трактира «Весёлый Гусь», тоже долго смотрела им вслед.

— Летят рядышком и кого-то окликают разными голосами, — хозяйка уперла в бока тяжёлые руки. — Вот бы поймать эту парочку и посадить в клетку. Народ так бы и повалил в мой трактир посмотреть на такую диковинку...

— И правда, диковинка! — откликнулся Фильдрем, подъезжая к трактиру на своей дребезжащей повозке. — Ты лучше скажи мне, Зазельма, не хочешь ли ты заработать, да не одну монетку, а сразу тугой кошель, полный золота?

— Да кто ж не хочет? — Зазельма подозрительно посмотрела на Фильдрема. Его маленькие хитрые глазки блестели. — Ещё спрашиваешь!

— Тогда поймай мне эту малышку, которая мыла у тебя пивные кружки. Один только раз я взглянул на её личико, а забыть не могу. Заплачу тебе за девчонку, сколько скажешь.

— А зачем она тебе, дружок? — ласково улыбаясь, спросила Зазельма. «Он что-то задумал, хитрая бестия, не иначе. Узнать бы что», — подумала она.

— Ну, месячишко поживёт у меня. Я сам с ней потешусь. — Фильдрем облизнул толстые губы, сдвинул свою высокую шапку на одно ухо. — А когда надоест, сплавлю её какому-нибудь барону или графу. А выручку поделим с тобой пополам, уж ты не сомневайся. Только помоги мне её отыскать.

«Видно, девчонка не так-то проста, — подумала Зазельма, прищурившись и провожая взглядом повозку Фильдрема. — Здесь проходит столько народу. Буду всех спрашивать, каждого встречного да поперечного. Авось и изловлю золотую рыбку...»

ГОРНЫЙ КУЗНЕЦ И МНОГОЕ ДРУГОЕ

Солнце стояло прямо над головой. Мелисенда с печалью оглянулась на Южную долину, полную влажных теней и тихого журчания мелких ручейков. Нет, лучше не смотреть на эти цветущие деревья, на вьющиеся розы. На этой дороге высится Золотой замок, там её подстерегает граф Мортигер и его страшные слуги.

Узкая тропинка петляла между голыми скалами, поднимаясь всё выше. Вдруг Мелисенда почувствовала на лице капли влаги, и скоро её окружили облака, прозрачные вблизи, а только глянь вверх или вниз — гроздятся, словно

снежные вершины. Мелисенда чуть не провалилась в узкую расщелину, потом пошла медленней, осторожно делая каждый шаг.

Вот она уже по пояс в облаках, а теперь облака накрыли её с головой. Тропинка почти не видна, она вьётся всё выше и выше.

Но вот, наконец, облака, как покрывало, окутали её плечи, и над ней открылось лазурное небо.

«Как высоко я поднялась, выше облаков, до самого перевала. — Мелисенде так хотелось отдохнуть, присесть на плоский камень, но надо идти. — Там, в Южной долине меня ищет чёрный граф Мортигер. Как страшно... Только зачем я ему нужна, жалкая нищенка?..»

Облака внизу то сгущались, то таяли. Вдруг откуда-то сверху она услышала звон и грохот. Это молот тяжело и мощно бил по наковальне.

Тропинка сделала ещё один виток вокруг крутой скалы, и Мелисенда увидела кузницу, сложенную из больших грубо отёсанных камней. В распахнутую дверь был виден жарко пылающий огонь.

Вдруг всё смолкло, и в дверях показался великан в кожаном фартуке с молотом в руке. Никогда ещё Мелисенда не видала таких высоких людей. Потные волосы были перехвачены поперёк лба кожаной лентой. А светло-серые глаза смотрели спокойно и властно.

Кузнец прислонил молот к стене и сделал шаг к Мелисенде.

— Откуда ты, дитя печали? Ты грустна и измучена! — голос его звучал так ласково, так сочувственно, что Мелисенде почему-то захотелось заплакать.

— Я пришла оттуда... — Мелисенда протянула руку в сторону Южной долины. Голос её задрожал. — За мною гонится чёрный человек. Он хочет поймать меня...

Слезы набежали ей на глаза, и в их расплывчатом, лучистом свете Мелисенде показалось, что Кузнец высок, как могучее дерево.

— Сначала выпей козьего молока. — Кузнец, не спуская с неё зоркого взгляда, протянул глиняную кружку с ещё не остывшим парным молоком. — Кто бы ты ни была, здесь ты найдешь защиту и приют. Я, Горный Кузнец, не дам тебя в обиду.

Вдруг всё закружилось перед глазами Мелисенды, она пошатнулась, глиняная кружка выпала из её ослабевших рук и разбилась. Мелисенда упала бы прямо на камни, но сильные руки Горного Кузнеца подхватили её.

Мелисенда очнулась в маленькой комнате с каменными стенами, на простой жёсткой постели, застеленной шкурами. Кузнец сидел рядом в высоком кресле. Букет полевых цветов стоял на грубо сколоченном деревянном столе.

«Какие у него глаза, глубокие и добрые», — подумала Мелисенда, глядя на Горного Кузнеца.

Пока она спала, платок сполз с ее головы, и золотые волосы, как бесценное сокровище, рассыпались по подушке.

«Какое прелестное лицо, — подумал Горный Кузнец, глядя на Мелисенду. — Но почему оно так искажено страхом и страданием? Как она бледна...»

Вдруг Мелисенда вздрогнула.

— Мне приснилось, что он поймал меня... — прошептала она. — У него такие цепкие, злые руки...

— Кто он? Скажи, кто преследует тебя? — нахмурившись, спросил Горный Кузнец.

— Граф Мортигер, — упавшим голосом проговорила Мелисенда. — Я так его боюсь...

— Фью! — Горный Кузнец негромко присвистнул. — Как же, как же! Наслышаны мы о нём. Чёрный маг и колдун, вот кто он! Но как пересеклись ваши пути? Однако знай, здесь у меня ты в безопасности, дитя печали!

«Если бы мой добрый хозяин знал, какая я грешница, он прогнал бы меня от своего порога», — с горечью подумала Мелисенда.

Солнце коснулось вершин далёких гор и, заливая золотом вечерние облака, стало опускаться, меркнуть.

— Я не протянула ей руку, — вдруг, не выдержав, призналась Мелисенда и горько заплакала, уткнувшись лицом в подушку. — Несчастная захлёбывалась,

а я стояла на мосту и смотрела. Я знаю, на мне лежит проклятие, но сердце моё разрывается. Молю вас, не гоните меня. Скоро ночь, я боюсь темноты. Обещаю вам, как только рассветёт, я уйду.

— Нет, нет, я не прогоню тебя, — пристально глядя на неё, сказал Горный Кузнец. — Если ты и согрешила, твоё раскаяние глубже, чем пропасти, окружившие мою хижину. Ты можешь оставаться здесь сколько захочешь.

— Я не посмею, — прошептала Мелисенда, поворачивая к нему заплаканное лицо. Но она почувствовала, что какой-то свет зажёгся в её душе.

На другое утро Мелисенда собралась в путь. Горный Кузнец дал ей с собой круг сыра и хлебец с изюмом.

— Ты всегда можешь вернуться в мою хижину, дитя печали, — сказал на прощанье Горный Кузнец.

Мелисенда взглянула вправо на Южную долину, полную солнца, свежей зелени и ярких цветов. Вдали сверкало, как зеркало, тихое озеро, окаймлённое вдоль берегов белыми лилиями. Но туда идти нельзя, там рыщет по дорогам безжалостный граф Мортигер и его слуги...

Мелисенда взглянула налево, в сторону Северной долины. Серая каменистая дорога, извиваясь, уходила вдаль. Кто ни пройдёт, ни проедет — клубы серой пыли. Поникие деревья, опустив вялые ветви, стояли, словно нищие, просящие подаяния. Вдалеке видно было высохшее, мёртвое озеро.

«Неприятное, унылое место, — подумала Мелисенда, — Но там, пожалуй, меня не будет искать граф Мортигер...»

Девушка низко поклонилась Горному Кузнецу, боясь взглянуть в его твёрдые, светлые глаза, которые как будто видели её насквозь.

Опустив голову, она заторопилась вниз по каменистой дороге. Оттуда поднялся холодный, колочий ветер.

ГЛАВА 11

ОПАСНОЕ РЕШЕНИЕ И МНОГОЕ ДРУГОЕ

Ночь уходила, подбирая последние, чуть тлеющие звёзды. Принц Амедей ехал по Южной долине мимо влажного густого леса. Он не слышал мягкого шелеста ветра, постукивания созревших вишен на отяжелевших ветвях. Лесные птицы провожали его ночными песнями, но принц, погружённый в свои мысли, не слышал ничего. Верный конь с белым пятнышком во лбу шёл плавной рысью, словно не знал усталости.

«Где моя светлая девочка? — в глубокой тоске думал принц Амедей. — Как она могла убежать из дворца, не дождавшись меня? Её няньки напившись с горя и спят на коврах. Слуги без дела, опустив руки, шатаются по замку. Ведь король

Унгер тоже исчез, и никто не знает, где он. Боюсь, тут дело не обошлось без злого колдовства... Меня терзают недобрые предчувствия. А эта девушка в трактире «Весёлый Гусь»? Мне надо, надо было взглянуть ей в лицо, но она так быстро убежала. Почему-то мне кажется, что в ней — разгадка моей печальной тайны...»

Принц Амедей заглядывал во все придорожные гостиницы и трактиры. Расспрашивал всех встречных, даже нищих странников. Одни и те же вопросы... Но никто ничего не знал об исчезнувшей принцессе.

Принц Амедей ехал дальше, и отчаяние всё сильнее сжимало его сердце.

Солнце поднялось из-за леса, поджигая низкие облака. Синие туманы медленно уползли в лес.

Принц Амедей спешил и присел у корней высокой белоствольной берёзы.

— Принц Амедей-ей-ей-ей! — услышал он вдруг чей-то невесомый, летучий голос, словно бы окруживший его со всех сторон.

— Это Лесное Эхо! — Принц Амедей вздрогнул от неожиданности. — Как странно! Оно окликает меня по имени...

— Слушай меня! И правду узнай-ай-ай-ай! — ещё громче послышался голос.

— Я слушаю тебя, слушаю! — Принц Амедей вскочил на ноги. — Говори же, говори, Лесное Эхо!

— Воробей сказал... — с важностью прогудело Лесное Эхо. — Воробей сказал: память принцессы Мелисенды у злого колдуна-на-на-на! А Сокол сказал: Мортигер дал принцессе чужую память. Память убийцы-цы-цы-цы!..

— Какое злодеяние! — с волнением воскликнул принц Амедей. — Но где же её память? О, Боже! Бедная моя девочка, как же она страдает!

И снова послышался гулкий, раскатистый голос:

— Воробей сказал: память принцессы во дворце Мортигера-ра-ра-ра!.. В колдовской жемчужине-не-не-не!.. А Сокол сказал: кто разобьёт жемчужину, тот замёрзнет-нет-нет-нет! Навсегда-да-да-да!..

Теперь слова доносились тише, откуда-то издалека.

— Спасибо тебе, Лесное Эхо! — крикнул принц Амедей, поворачивая голову, стараясь догадаться, куда улетело Эхо. — Я верну, верну память моей любимой. Даже если я погибну...

— Ну-ну-ну! — затихая, печально повторило Эхо, заодно ловя пение лесных птиц: — Фью-фью-фью...

Но скоро всё стихло.

Принц Амедей ехал по Южной дороге. Солнце пёстро светило сквозь густую листву.

В стороне от дороги он увидел изумрудно-зелёную поляну. Три красавицы в богатых одеждах, скинув атласные туфельки, босиком перекидывали друг другу золотой мяч. В траве мелькали их маленькие розовые ножки.

Девушки, перебывая друг друга, крикнули принцу Амедею:

— Сэр рыцарь, куда вы спешите?

— Прекрасный рыцарь, останьтесь с нами!

— Мы живём на холме Радости в замке Утех! Идите к нам!

Сверкали на солнце их лимонно-золотистые волосы. Голоса звучали так заманчиво, так зазывно, что принц хотел было уже спешиться... Но вдруг опомнился и снова тронул коня.

— Нет, красавицы, манят остаться ваши чудесные нежные голоса. Но иной голос слышится мне, полный страдания и боли. Он зовёт меня следовать своим путём.

В тот же миг золотой мяч упал на траву и превратился в колючего зверька с оскаленными зубами. А девушки с недобрым смехом исчезли, словно растаяли в воздухе.

Солнце стояло высоко, его жаркие лучи жгли сквозь одежду. Верный Эренлив шел медленно, опустив голову.

«Пить хочет мой добрый конь», — подумал принц Амедей и тут же услышал переливчатый звон сбегającego с холма ручейка. Словно по ступеням, сбегал

ручеек по разноцветным камешкам. В его прозрачных струях играли пёстрые рыбки. Над водой наклонились гибкие ивы, окунув в воду концы длинных серебряных ветвей.

«Здесь, в тени, я отдохну и напою коня», — подумал принц Амедей. Но тут ему послышалось, что голубые струйки поют тонкими голосами:

— Приди, отдохни, напои коня...

«Не простой это ручей», — вздрогнув, подумал принц Амедей и тронул поводья.

В тот же миг пропал бегущий с холма ручей, исчезли склонённые ивы. Остались только сухие камешки, рассыпанные по траве.

— Потерпи, мой Эренлив. Недобрый это был ручей — колдовской. Хорошо, что я не напоил тебя.

Солнце тем временем зашло за вершины далёких гор. Повеяло вечерней прохладой. Только низкие облака ещё светились багрово-алым светом, словно стараясь удержать последние закатные лучи.

Из леса потянуло влажной сыростью, запахом отдыхающей земли. Промолкли дневные птицы, послышалась первая трель соловья.

Внезапно конь резко остановился и тревожно заржал. Пересекая дорогу, чернела неровная широкая щель.

Вправо и влево, извиваясь, уходила она, и не видно было её конца.

«Узнать бы, глубока эта пропасть или нет», — подумал принц Амедей и спешился.

Он поднял камешек и кинул его в зияющий провал. Принц Амедей ждал, когда же камень стукнет, достигнув дна. Но ничего не нарушило тишину. Он кинул второй камень, третий — но опять всё та же мёртвая тишина. Камни проваливались в пустоту.

«Это пропасть без дна! — холодея, подумал принц Амедей. Он невольно сделал шаг назад. — Кто на своё несчастье сорвётся туда, тот будет вечно падать. Вечно, пока не погибнет от холода и жажды. Но страшнее всего тоска в одиночном вечном падении. Страдальцу не суждено ни выбраться из бездны, ни разбиться о камни...»

Принц Амедей наклонился над чёрной пропастью. Слишком широка она — её не перепрыгнуть. Только если его могучий конь Эренлив не испугается...

Он отвёл коня подальше от бездны, чтоб тот мог взять разбег. Эренлив тревожно заржал, раздувая ноздри. И вдруг, словно решившись, топнул копытом.

Уже не сомневаясь, принц Амедей вскочил в седло. Как птица, перелетел через пропасть Эренлив. Только задними копытами задел край бездны, и беззвучно посыпались камни куда-то в пустоту.

С трудом перевёл дыхание принц Амедей. Тройным кольцом колдовства преградил граф Мортигер путь к своему замку. Эти девушки с лимонно-золотыми волосами, поющий ручей и, самое страшное, бездонная пропасть...

Вдруг пахнуло в лицо принца Амедея колючим холодом. И в тот же миг увидел он вдалеке, на крутой скале, высокий замок, сложенный из обледенелых каменных плит.

Две башни пронзали тёмные тучи, их шпили исчезали в непроглядном мраке. В каждой башне круглое окно. Замок походил на хищного зверя, готового к прыжку, но сонно прикрывшего глаза.

Поблёскивая, к замку вела дорога, вымощенная мраморными плитами.

«Вот он, Ледяной замок графа Мортигера. — Принц Амедей направил коня к мраморной дороге, окаймлённой застывшими деревьями. Их оледеневшие ветви позванивали от порывов ветра. — Моя бедная Мелисенда! Какая печаль... Звезда твоего счастья погасла. Но я не пожалею жизни, чтоб она зажглась снова...»

ГЛАВА 12

СТРАШНЫЕ ПРЕСЛЕДОВАТЕЛИ И МНОГОЕ ДРУГОЕ

елисенда шла медленно, усталость и бессонница лишили её последних сил.

Сухая серая пыль засыпала деревья, стоящие по обе стороны дороги: живые они или уже засохли — не разберёшь.

Мелисенда давно уже по кусочкам съела сыр и хлебец с изюмом, которые дал ей Горный Кузнец.

«У меня теперь вместо живота — ямка, — с грустью подумала она. — А как пить хочется...»

Башмаки её прохутились, и острые камешки, торчавшие в пыли, царапали ей ноги.

Но мучительней голода и усталости её терзали мысли о прошлой жизни. Перед её глазами неотступно стояло мрачное ночное видение. Крутой мост, мутные волны и женщина, захлёбывающаяся в тёмной воде. «Руку! Поддай мне руку! Я тону!..» О, Боже! Почему я этого не сделала?

— Бедная девочка, почему ты такая грустная? Куда ты идёшь? — услышала она старческий добрый голос.

Навстречу ей в облаке пыли по дороге медленно брёл старый шарманщик с обезьянкой на плече. У обезьянки было сморщенное личико и темно-карие глаза.

— Куда я иду? — повторила Мелисенда. — Сама не знаю...

— Ты хорошенькая, — улыбнулся старичок. — И голосок у тебя приятный. Ты умеешь петь?

— Не помню, — растерялась Мелисенда.

— А вот мы сейчас споём вместе и посмотрим!

Старичок снял с плеча лямку. Пристроил шарманку на хлипком треножнике и начал крутить облупленную ручку. Шарманка захрипела, словно задыхаясь, потом жалобно заиграла.

Старый шарманщик запел надтреснутым голосом:

Немало стран я обошёл,
Бродил по городам.
И вдруг красавицу нашёл!
Та-рам, тра-ра-ра-рам!

Мелисенда, сама не понимая, как это случилось, вдруг запела, повторяя простенькие слова песенки. Ее хрустальный чистый голосок зазвенел, и, вторя ему, запели серые птички среди пыльной листвы.

— Ты поёшь, как ангел! — до слёз растрогался старичок. — Идём со мной, девочка! Мы будем ходить по богатым замкам и бедным хижинам. И где бы ты ни запела, мы всюду будем сыты. Никто не пожалеет для нас куска хлеба и миски похлёбки. Да ещё и яблока для моей обезьянки.

Словно бы понимая, что сказал старый шарманщик, обезьянка доверчиво провела лапкой по его щеке.

— А, ты ещё распелась тут, маленькая дрянь! — послышался хриплый, лающий голос. Из густой пыли вывалилась трактирщица Зазельма и мёртвой хваткой вцепилась в руку Мелисенды. — Да знаешь ли ты, сколько я тебя искала, мерзавка? Теперь пойдёшь со мной.

Послышался скрип колёс и дребезг глиняной посуды. Пыльное облако сгустилось, и с повозки соскочил Фильдрем в своей высокой шапке с пёрышком.

Он оттолкнул шарманщика и крепко ухватил Мелисенду за другую руку.

— Нет, не зря я следил за тобой, старая трактирная шельма! Знал, что ты будешь искать девчонку. Теперь она моя! Девчонка пойдёт со мной.

Он так сильно толкнул шарманщика, что старик со стоном рухнул на дорогу, а шарманка, зацепившись за камень, жалобно всхлипнула.

— Врёшь, битая миска! — оскалилась Зазельма. — Я не зря её искала, и теперь она моя. Уж я её не отпущу, и не надейся!

— Клянусь всеми чертями в аду! — рявкнул Фильдрем. — Она сегодня же будет ночевать у меня в сарае рядышком со мной.

Они изо всех сил тянули растерявшуюся Мелисенду в разные стороны. Платок развязался и сполз с её головы. Её волосы, сияя и сверкая сквозь пыль, потоком хлынули по плечам.

— А ведь и впрямь красавица! — Зазельма с изумлением уставилась на Мелисенду. — Провалиться мне на месте, если я не наживусь на её красоте! Моя девчонка!

— Иди к своим жареным гусям, трактирщица! — в ярости крикнул Фильдрем и рванул к себе Мелисенду. — Сперва я вдоволь наиграюсь с девчонкой, потом продам её за большие денежки!

— Полюбовался на девчонку, и хватит с тебя! — Зазельма резко дёрнула Мелисенду за руку. — Отпусти её, глиняная башка!

Они изо всех сил тянули Мелисенду каждый к себе. Сейчас они оторвут ей руки, как ветки тонкого деревца. Кому она достанется? Фильдрему или трактирщице? Какая разница? Она погибла, ей не спастись. Они замучают её...

— Убью! Оторву башку-ку-ку-ку! — вдруг оглушительно прогремел над их головами чей-то голос.

Лошадь Фильдрема в страхе вскинулась на дыбы — пыль поднялась густым облаком.

— Кто это? Кто хочет меня убить? — Зазельма присела от страха. Мёртвая хватка её ослабла.

— Зарежу-жу-жу-жу! — зажужжало всё вокруг.

— Пропала моя головушка! — Фильдрем, кашляя от пыли, выпустил руку Мелисенды и бросился к своей повозке.

«Это Лесное Эхо! Моё дорогое Эхо!» — догадалась Мелисенда. И, почувствовав свободу, теряя разношенные башмаки, перепрыгнула через канаву.

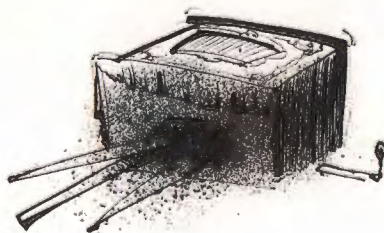
Она вломилась в засохшие кусты. Босиком по корням, по бурелому, по острым камешкам. Лишь бы убежать подальше от страшных преследователей.

— Задущу-шу-шу-шу! — казалось, сама пыль угрожающе шипит вокруг скорчившихся от страха трактирщицы и Фильдрема.

Но Мелисенда была уже далеко, и Лесное Эхо, догнав её, ласково насвистывало ей пение птиц.

Убедившись, что её никто не преследует, Мелисенда опустилась на сухую траву, пахнущую сеном.

«Куда мне теперь идти? — безнадёжно подумала Мелисенда. — На Северной дороге меня ждут Зазельма и Фильдрем со своей страшной повозкой. Уж второй раз мне от них не убежать. Но самое ужасное — это граф Мортигер, он подстерегает меня на Южной дороге. Он заколдует меня, закуёт в цепи... О, если бы я могла вернуться на перевал к Горному Кузнецу! Но я не смею, не смею... Куда же мне идти?»

ГЛАВА 13

В ЛЕДЯНОМ ЗАМКЕ И МНОГОЕ ДРУГОЕ

Луна, прячась за облаками, светила тускло, как лампа сквозь закопчённое стекло.

Всё явственней проступал на скале замок графа Мортигера, окутанный морозной дымкой.

Эренлив ступил на дорогу, вымощенную мраморными плитами, поскользнулся, и копыта его разъехались. Принц Амедей с трудом удержался в седле. Только теперь он разглядел, что мрамор покрыт гладкой корочкой льда.

Под изогнутым мостом, стремясь вырваться на свободу, глухо ворчал скованный холодом тяжёлый поток.

Умный конь осторожно миновал мост. Из-под его копыт разлетались острые ледяные осколки.

«Здесь конец моего пути, — подумал принц Амедей, глядя на замок. — Моя Мелисенда! Несчастливая, одинокая, ты бродишь по дорогам, забыв своё имя, забыв все радости прежней жизни. Нет, что бы ни было, я верну тебе твою память! И тогда с грустью ты, может быть, вспомнишь обо мне. Но так и не узнаешь, где я встретил свою погибель...»

В это время взъерошенный Воробей с выщипанным хвостом бесстрашно опустил к нему на плечо.

— Чик-чирик! — ободряюще пискнул Воробей.

— Милая птичка, — грустно улыбнулся принц Амедей, — ты как будто хочешь мне помочь.

— Чирик! — утвердительно кивнул Воробей.

Тем временем Эренлив уже приблизился к высоким дверям замка.

— Прощай, маленькая птичка, — принц Амедей повёл плечом, давая знак, чтобы Воробей улетел.

— Фьюти-фью! — опечалился Воробей и исчез, унесённый внезапным порывом ветра.

Из дверей вышел долгоногий слуга. Его чёрно-серый плащ напоминал сложенные крылья летучей мыши. Низко надвинутый капюшон скрывал лицо.

Принц Амедей спешился.

— Берегите этого коня, — сказал он дрогнувшим голосом. — Он не подведёт хозяина в схватке с врагом и не утомим в долгом пути.

Слуга молча поклонился, по-прежнему пряча лицо.

Принц Амедей ласково потрепал коня по холке. Эренлив положил голову ему на плечо и тоскливо заржал, согревая трепещущими ноздрями щёку принца Амедея.

Но что надирать попусту душу? Принц Амедей передал поводья слуге и, уже не оглядываясь, вошёл в широко распахнутые стрельчатые двери дворца.

Острые ледяные иглы впились в его лицо. Какие холодные залы! Заиндевелившие окна покрыты причудливыми узорами, изображающими диких зверей и чудовищ. Снег, укрывавший ковры, похрустывал под ногами.

«А-а, здесь, наверное, хоть немного теплее. В этом зале горит камин».

Опять дьявольщина, опять недоброе колдовство! Этот огонь не греет. Языки пламени — как взметнувшаяся зимняя позёмка.

А это что? В самой сердцевине ледяного огня извиваются ядовитые саламандры. С их раздвоенных языков с шипеньем капает янтарно-зелёный яд.

Стоило принцу Амедею приблизиться, как из глубины камина рванулась, норовя его ужалить, самая большая саламандра с узорной золотой короной

на плоской голове. Глаза её зловеще сверкнули. В последний момент принц Амедей успел отскочить.

Прوماхнувшись, королева метнула комок зелёного яда вдогонку принцу. Но тот уже успел пройти в следующий зал и закрыть дверь

Принц Амедей шёл из зала в зал, поднимался по лестницам, шёл крытыми галереями.

И странное дело! Воздух вокруг него с каждым шагом становился всё холоднее, окружая его вихрями снега и осколков льда. Стало трудно дышать. Принц Амедей наклонился вперёд, плотнее запахнул на груди плащ.

— Смотри не замёрзни, пока найдёшь, что ты ищешь! — послышался насмешливый хриплый голос. Крупный чёрный ворон пролетел мимо принца Амедая, задев тяжёлым сырым крылом его плечо.

«Страшная, мерзкая птица, — вздрогнув, подумал принц. — Под стать своему хозяину».

— Послушай меня, я дам тебе верный совет! — Ворон опять задел его крылом. — Я не простой ворон, верно, сам видишь. Я — Харон, перевозчик мёртвых в царстве Аида. Славное местечко! Мой хозяин превратил меня в ворона. Но это, поверь,

ненадолго. Впрочем, не твоего ума это дело. Однако, если хочешь достичь цели, слушайся меня, мудрого Харона. Я укажу тебе верный путь, принц Амедей!

«Откуда этот чёрный ворон знает моё имя? — нахмурившись, подумал принц Амедей. — И уж вряд ли, вряд ли надо прислушиваться к его советам».

— Видишь, из этого зала ведут две двери, — продолжал ворон, и его глаза остро блеснули. — Пойдёшь в левую дверь — вспомнишь потом ворона Харона, да будет поздно. За левой дверью тебя скуют вселенский холод. Иди направо — там твоё спасение!

«Если эта тварь так настойчиво уговаривает меня идти направо, — вздрогнул принц Амедей, — пожалуй, следует идти налево...»

Едва принц Амедей приблизился к левой двери, как ворон, изменив свой полёт, ринулся на него, нацелившись клювом прямо ему в лицо.

— Куда? — каркнул ворон.

Принц Амедей резким движением отшвырнул злобную птицу, и ворон, треща крыльями, ударился о ледяную стену.

В тот же миг за правой дверью послышался тяжкий звон и дребезг, словно там рухнула и раскололась на части огромная ледяная колонна.

— Сейчас я полакомлюсь твоими глазками! — в ярости крикнул ворон, расправляя крылья.

Но принц уже успел распахнуть левую дверь и, ослеплённый, шагнул в нестерпимо сверкающий зал.

Он услышал только за спиной бешеные проклятья чёрного ворона.

ГЛАВА 14

ВОЛШЕБНАЯ ЖЕМЧУЖИНА И МНОГОЕ ДРУГОЕ

Принц Амедей замер, потрясённый, на пороге зала. Глаза с трудом привыкали к обжигающему блеску. Он даже не чувствовал, как в его тело впились смертельные ледяные иглы. Стены, пол, потолок огромного зала — всё было сплошь покрыто переливчатым перламутром. В высоте кружились, порхали мелкие радуги. И наконец, он увидел то, ради чего он прошёл весь этот долгий мучительный путь, полный опасностей.

На невысокой золотой колонне, тихо сияя, лежала розовая жемчужина. Её лучи ласкали и завораживали взгляд.

Не чувствуя ни страха, ни боли, принц Амедей подошёл к золотой колонне. Он с трудом переставлял ноги, их сковал каменный холод.

Так вот в каком обманчиво-прекрасном облиии пришла к нему его смерть! Бесценная розовая жемчужина, она погубит его. Но в её таинственной глубине спрятана память той, кого он любит больше жизни.

И, уже отрешённый от всего земного, он обнажил свой меч с рукоятью в виде креста и, собрав последние силы, с размаху разрубил сверкающую жемчужину. Посыпались куски перламутра, лёгкий звон одновременно был нежным и леденящим.

Принц Амедей почувствовал, что его тело больше не подвластно ему. Он хотел вложить меч в ножны и... и не мог. Последнее, что он увидел, была светлая лёгкая дымка, вылетевшая из разрубленной жемчужины. Она легко коснулась его губ, и в её прозрачной глубине он ещё успел разглядеть замок Альзарон и сбегающую по мраморным ступеням прекрасную принцессу Мелисенду. Её улыбка была полна нежности и любви. Ветер поднял и развернул в воздухе её длинные волосы цвета золотого мёда. А её глаза, казалось, смотрели ему прямо в душу. Но тут, как на замерзающем стекле, всё застывая, скрестились ледяные стрелы.

Холод поднимался всё выше и выше, пока не достиг сердца. Его глаза, затянутые корочкой льда,

больше ничего не видели. Волосы теперь казались седыми, падая на снежные кружева воротника. Губы смёрзлись и побелели. И только слабо-слабо в окаменевшей груди, замирая, беззвучно билось сердце. Ведь любовь нельзя заморозить, нельзя превратить в лёд никаким чёрным волшебством и магией.

В перламутровый зал влетел взъерошенный Воробей. Он попытался согреть своим дыханием замёрзшее лицо принца Амедея, но сразу понял, что все его усилия напрасны.

Горестно пискнув, с трудом взмахивая окоченевшими крыльями, он вылетел из смертоносного зала.

ГЛАВА 15

О ТОМ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С ПРИНЦЕССОЙ НА СЕВЕРНОЙ ДОРОГЕ, И МНОГОЕ ДРУГОЕ

елисенда глядела на освещённые закатным солнцем верхушки столетних елей. Последние лучи запутались в пожелтевшей хвое. «Я не могу оставаться в этом лесу. Здесь нет ни ягод, ни грибов. Голодная смерть — вот что меня здесь ждёт», — принцесса со вздохом встала, стряхнула с платья сухую траву и листья. Она пошла в сторону проезжей дороги, всё время пугливо оглядываясь, не видно ли вдалеке пёстрой повозки с дребезжащей глиняной посудой или хозяйки трактира. Но нет, на дороге не было ни души.

Мелисенда отыскала в канаве упавшие с ее ног прохудившиеся башмаки. Натянула их на ноги. Но они сваливались при каждом шаге. Принцесса связала их за шнурки и перекинула через плечо.

Она пошла по дороге, огибая высохшее озеро. В мелких углублениях осталась подёрнутая пёстрой плесенью вода. На скользких кочках пристроились унылые семейки лягушек. Над озером сгорбились полузасохшие ивы. Их серебристые листья сморщились.

«Какое унылое место! Как раз под стать такой преступнице, как я, — с горечью подумала принцесса. — Та цветущая долина на юге была слишком хороша для меня...»

Вдруг словно молния вспыхнула и пробежала по всему её телу. Мелисенда вскрикнула, пошатнулась и как подкошенная упала на колени в придорожную пыль. Всё померкло перед её глазами.

Ей показалось, что она с болью, с усилием раскрывается, как цветок, и из её сердцевины вырывается что-то тёмное, злое, полное туманных, пугающих образов и видений. Они поднимались вверх и там, пронизанные солнечными лучами, расплывались и таяли.

И в тот же миг тёплый поток света наполнил её всю изнутри до самого сердца. Её охватило чувство внезапной, ещё необъяснимой радости.

«Что это? Что случилось?» — мысли мешались и путались.

— Бедняжка, что с тобой? — окликнула её старушка в опрятном заштопанном переднике и простом холщовом чепце. Она несла корзину, наполовину полную мелких зелёных яблок. — Дай я помогу тебе встать. Да ты, я вижу, и на ногах не держишься, несчастная. Уж нехватила ли ты кружку винца в трактире? Кто ты, нищая бродяжка?

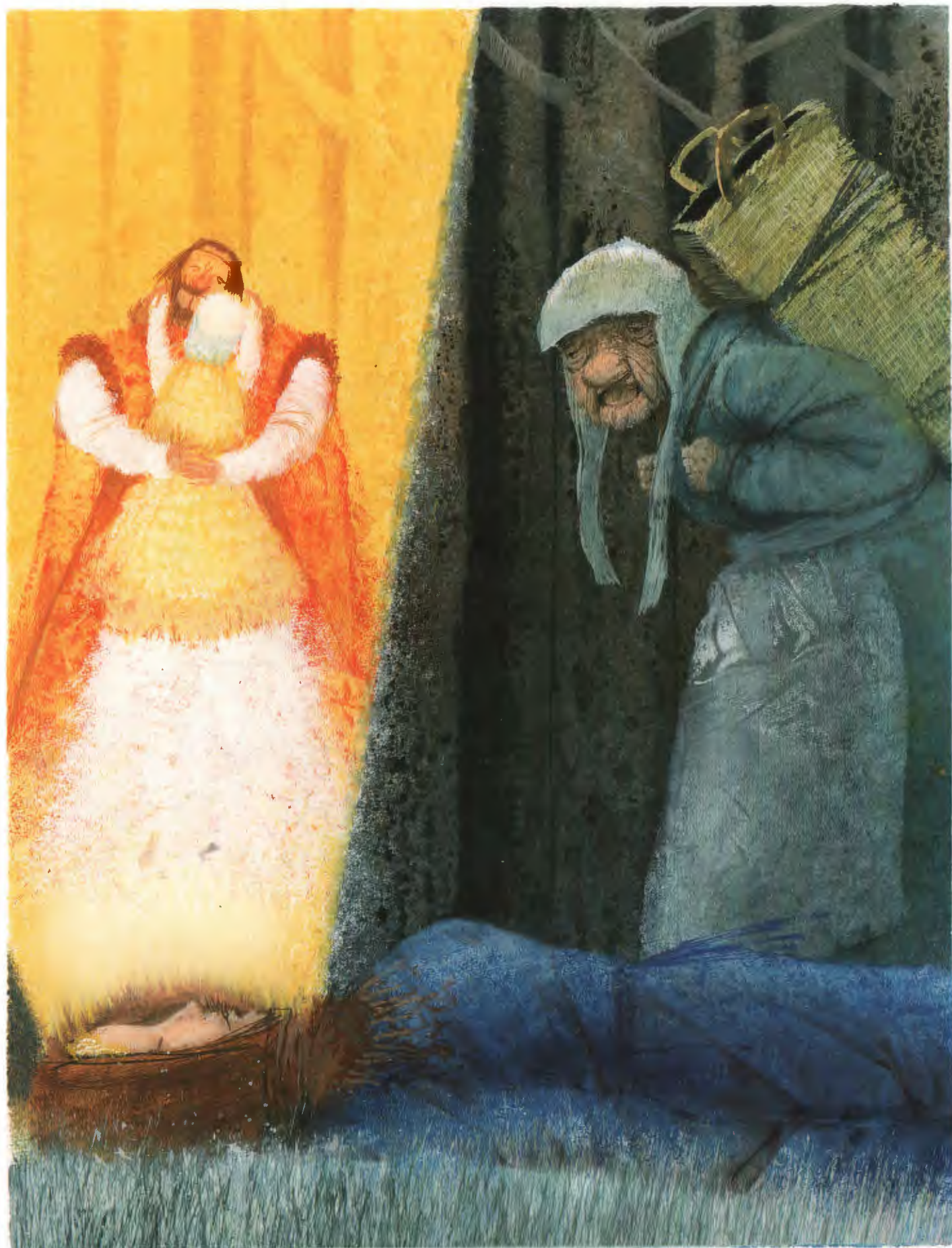
— Я... я... принцесса, — неуверенным дрожащим голосом еле выговорила Мелисенда.

Одно мгновение — и она вспомнила всё. Да, она принцесса Мелисенда из замка Альзарон. Но почему она одета в эти убогие отрепья? Как она попала на эту пустынную, безжизненную дорогу?

— Мой отец — король Унгер, — заторопилась Мелисенда. — Но я не знаю, где я.

— Несчастная, ты безумна, — с жалостью покачала головой старуха. — Видно, за тобой некому смотреть, вот ты и ходишь одна, сама не зная где. И давно ты тронулась умом?

Мелисенда потянула платок за угол, он спустился с её плеч и упал в дорожную пыль. Золотые волосы, собирая солнечные лучи, растеклись по её плечам, скользнули вниз, превращая нищенскую одежду в царскую мантию.

— Красивое ты дитя! — ахнула старуха. — Уж не пожалей, вырви один твой золотой волосок. Моя внучка в день святого Мартина выходит замуж. А мы так бедны, чуть богаче тебя. Она сплетёт себе обручальное кольцо из твоего золотого волоса.

— У тебя нож у пояса. Дай его мне, — сказала Мелисенда.

— А ты не бросишься на меня с ножом? — с опаской спросила старушка, помогая ей встать. — Да нет, куда тебе, ты так слаба, бедняжка.

Принцесса отрезала ножом большую прядь волос, и старушка бережно спрятала её на груди, завернув в тряпицу.

— Ты первая, кого я встретила, когда ко мне вернулась память. — Глаза Мелисенды сияли, и она посмотрела на небо. — Приходи в замок Альзарон, я награжу тебя.

— Ты опять за своё, полоумная! Мерещится тебе невесть что: принцесса, замки...— начала было старуха, но, взглядевшись в лицо Мелисенды, вдруг упала перед ней на колени. — Может, ты и впрямь принцесса? Ты так красива! Хочешь, я найду тебе жениха? Какого-нибудь графа, а то и барона? Он оденет тебя в атлас и бархат.

— У меня уже есть жених, — с улыбкой обретённого счастья сказала Мелисенда и вдруг побледнела.

Потому что где-то, словно в отдалении, перед ней проплыл призрачный, как туман, низкий закопчённый трактир, хозяйка с притворной улыбкой, повозка Фильдрема с пёстрой посудой, переложенной соломой.

Что это? Какое-то наваждение, колдовство...

— Мне надо вернуться в замок Альзарон. Далеко ли до него? — спросила Мелисенда, стараясь, чтобы голос её не дрожал.

— И-и, дитяtko, не близкий это путь, — старушка не сводила с неё своих добрых подслеповатых глаз. — Замок Альзарон? Прекрасный замок! Так говорят, кто его видел. Он на Южной дороге. Видишь засохшую берёзу? Вот как раз за ней начинается тропинка на перевал. Там среди снежных вершин стоит хижина Горного Кузнеца. Он всегда помогает заблудившимся, вроде тебя.

— Мне кажется, или мне только приснилось, но я уже была на этом горном перевале, — слабый свет вспыхнул в памяти Мелисенды. Она вспомнила низкую хижину, букет полевых цветов в простом глиняном кувшине. Большие добрые руки, протянувшие ей хлебец и круг сыра.

— Ступай, ступай к Горному Кузнецу, милая. Да хранит тебя Господь! А я поспешу к моей внученьке, отнесу ей твой подарок — золотые волосы, — старушка, спотыкаясь, заковыляла по дороге.

«Я пошла за ней слуг и карету, — подумала Мелисенда. — Если только я когда-нибудь доберусь до родных мест».

Идти по дороге было легко. Ноги по щиколотку утопали в мягкой пыли. Вот и сухая берёза. А за ней тропинка, круто поднимающаяся вверх. В лицо пахнуло прохладным ветром.

«Только бы мне не встретить Зазельму и Фильдрема с его дребезжащей повозкой. Но есть ещё один человек, которого я боюсь больше всего на свете...» — вздрогнув, подумала Мелисенда.

ГЛАВА 16

СЕРЕБРЯНАЯ ВЕТКА И МНОГОЕ ДРУГОЕ

елисенда поднималась по горной дороге. Тропинка хитро петляла между скалами, словно хотела сбить её с пути.

Принцесса то и дело присаживалась или между корней дерева, или на выступающий камень, голод и усталость совсем лишили её сил.

Вдруг Мелисенду окружило пушистое облако, полное мелких капель влаги. Теперь, сквозь это белое марево, она уже не могла разглядеть идущую кругами дорогу. Иногда она чувствовала, как мелкие камешки из-под её ноги скатываются куда-то вниз.

— Будь осторожна! Не оступись. Здесь полно глубоких расщелин! — услышала она спокойный надёжный голос.

— Это вы, господин Горный Кузнец? — прошептала Мелисенда.

Его сильные руки подхватили её, и она со вздохом облегчения прильнула к его груди.

От пережитых страхов и усталости, чувствуя хоть недолгую безопасность, она мгновенно задремала и очнулась на деревянной постели в хижине, сложенной из грубо отёсанных камней.

— Вы так добры ко мне, хотя даже не знаете, кто я, — слабо улыбаясь, сказала Мелисенда.

Горный Кузнец, не спуская с неё мудрого светлого взгляда, подал ей кружку тёплого молока.

— Выпей, принцесса, — сказал он. — Это укрепит твои силы. А судя по всему, они тебе ещё понадобятся.

— Принцесса? Вы знаете? Откуда? — Мелисенда приподнялась на локте, с изумлением глядя на Горного Кузнеца.

— Я сразу это понял, как только тебя увидел, — кивнул Горный Кузнец. — Но я чувствовал: на тебе лежит какое-то колдовское заклятие. Я был не в силах снять его. Но я чувствовал, что ты погружена в какой-то странный мрак. Ты как будто хотела убежать от себя, от своей души и судьбы. Ты боялась себя.

— Да, это было так. Я стала чужой себе, — еле слышно прошептала Мелисенда. — Вы тогда знали обо мне больше, чем я сама. Но сейчас всё иначе.

— Что же мучает тебя теперь, дитя моё? — сострадание было в голосе Горного Кузнеца.

— Трое гонятся за мной, господин. Трое... И кто бы из них не поймал меня — это будет моей погибелью, — с безнадёжной тоской сказала Мелисенда.

Горный Кузнец ласково провёл рукой по щеке Мелисенды.

— Не отчаивайся так, милое дитя, — мягко улыбнулся он. — Пока ты спала, я сковал для тебя серебряную яблоневую ветку. Это не простая ветка. Если она задрожит у тебя в руке, знай: опасность близка. Если какой-нибудь лиходеи нагонит тебя, проведи этой веткой между ним и собой, и ты станешь невидимой.

— О, благодарю! — Мелисенда соскочила с твёрдой постели и благоговейно взяла чудесную ветку с тремя серебряными яблоками. Ветка сияла и светилась в утреннем свете.

Мелисенда поцеловала руку Горного Кузнеца.

— Только бы мне добраться до замка Альзарон. Там ждёт меня мой добрый отец. Там я буду в безопасности.

Горный Кузнец протянул Мелисенде её башмаки.

— Тяжело идти босиком по каменистой дороге. Пока ты спала, я зашил их крепкими воловьими жилами. Спустишься с перевала в Южную долину — сразу сверни направо. Уж не так далеко оттуда замок Альзарон.

Он крепко держал её за руку, пока они шли сквозь пушистые облака.

Наконец внизу открылась цветущая долина, полная свежей зелени и цветов.

Слёзы благодарности навернулись на глаза Мелисенды, когда Горный Кузнец поцеловал её в лоб и перекрестил.

Мелисенда смотрела, как он поднимается вверх по тропинке. Вот уже видны только его плечи и голова, а теперь он уже скрылся весь в белоснежном искристом облаке.

— Я никогда не забуду тебя, Горный Кузнец... — прошептала Мелисенда.

ГЛАВА 17

О ЧЁМ РАССКАЗАЛО МЕЛИСЕНДЕ ЛЕСНОЕ ЭХО И МНОГОЕ ДРУГОЕ

Как не похожи Северная долина и Южная. Сколько здесь всевозможных цветов, им даже тесно, и они как будто просят: «Посторонись немного, дай и мне тоже выглянуть из травы...»

Издали, затихая, доносились удары молота по наковальне. Всё тише и тише. Мелисенда уже хотела повернуть направо, к замку Альзарон, как научил её Горный Кузнец...

Но вдруг, застилая свет, Мелисенду накрыла оглушительно и бестолково чирикающая, щебечущая стая воробьёв. Они садились ей на плечи, цеплялись

за густые волосы. Мелькали перед глазами, так что ей невольно пришлось остановиться.

— Что вы, мои родные? — улыбнулась Мелисенда. Один Воробей, растрёпанный, с выдраным хвостом, что-то пищал ей прямо в ухо.

Но тут, перекрывая птичий гомон, послышался звучный, повторяющий сам себя голос. Она узнала этот голос. Это было Лесное Эхо.

— Принц Амедей-ей-ей-ей! — прогремело над ней.

— Он ждёт меня в замке Альзарон! — радостно откликнулась Мелисенда. — Спасибо тебе. Я знаю, знаю, милое Эхо!

— Беда-да-да-да! — мрачно загремело сверху.

— Что? Что ты сказало? — Мелисенда постаралась раздвинуть дрожащими руками живой полог, окруживший её. Она привстала на цыпочки, вытянулась, как могла, с трудом различая свой голос, заглушённый отчаянным птичьим чириканьем. — Милое Эхо! Ты слышишь? Где мой жених, где принц Амедей?

— Беда-да-да-да! — угрюмо повторило Эхо. — Принц Амедей вернул тебе память, а сам превратился в ледяное изваянье! В ледяную фигуру-у-у-у!..

— О, Боже! — простонала Мелисенда. — Но где он? Где мой любимый?

Силы оставили её. Она опустилась на дорогу, закрыв лицо руками. Теперь она была похожа на холмик, весь укрытый серыми пёрышками.

— В замке графа Мортигера-ра-ра-ра! В замке изо льда-да-да-да! — Лесное Эхо не выдержало и зарыдало, хрипя и захлёбываясь. — Прощай-ай-ай-ай...

Лесное Эхо, горестно всхлипывая, улетело, постепенно затихая.

Мелисенда сидела неподвижно, и воробьи молча прижимались к ней, боясь пошевелиться.

— Ишь, что придумала, негодяйка! — послышался хриплый злобный голос Фильдрема. — Спряталась за воробьями. А я вижу твои волосы, хитрая бестия! Вон блестят! От Фильдрема не убежишь!

Он грубо расшвырял воробьёв. Ещё мгновение, и он схватил бы Мелисенду за плечо.

Сама не зная, как это у неё получилось, принцесса взмахнула яблоневою веткой. Послышался мелодичный звон. Серебряное яблоко упало и покатилося по дороге.

Мелисенда увидела изумлённое и яростное лицо Фильдрема.

— Девчонка, где ты? — вне себя от бешенства прохрипел он. — Только что была тут, провалиться мне на месте! А благородный граф Мортигер обещал мне за эту мерзавку пять кошельков золота. Проклятье, куда же она подевалась?

Фильдрем закрутился на месте, оглядываясь по сторонам.

Мелисенда почувствовала резкий запах жареной гусятины, и тут цепкая безжалостная рука вцепилась ей в волосы.

— Да вот же она, вот! Проворонил! — Мелисенда увидела наклонившееся над ней хищное лицо трактирщицы. — Теперь мои пять кошельков золота, мои!

Мелисенда упала на колени.

— Пустите!.. — жалобно простонала она.

— Ну уж нет! Теперь попалась, маленькая муха! Жужжи, сколько хочешь! — Глаза трактирщицы победно горели.

Мелисенда, уже ни на что не надеясь, как-то вывернувшись и что было силы хлестнула серебряной веткой по рукам Зазельмы. С певучим звоном скатилось на дорогу второе яблоко и исчезло среди белых цветов.

Послышался вопль изумления и злобы.

— Девчонка! Где она? — завизжала Зазельма. — Словно растаяла!

— Только что, только что была тут! — выл Фильдрем, глядя по сторонам. — Но я ещё отыщу её...

А Мелисенда легко, беззвучно бежала по дороге, с каждым шагом удаляясь от родного замка Альзарон. Нет, теперь её путь лежал в другую сторону, к Ледяному замку графа Мортигера.

Дрожь сотрясала её от одной мысли, что она может увидеть страшного хозяина Ледяного замка. Но сильнее страха и отчаяния было желание найти того, кто вернул ей память, кого она любила всем светом своей души.

ГЛАВА 18

ПОСЛЕДНЕЕ СЕРЕБРЯНОЕ ЯБЛОКО И МНОГОЕ ДРУГОЕ

олнце уходило за верхушки елового леса. Длинные тени, вытягиваясь, пересекали дорогу.

«Как я устала, — со вздохом подумала Мелисенда. — Немного отдохнуть и дальше в путь».

Она заметила слева от дороги круглую поляну, заросшую свежей изумрудной травой. Она сверкала в лучах заходящего солнца, тени ещё не добрались до неё. Дальше на холме были видны развалины замка, рухнувшие узорные башни и шпили.

«Говорят, здесь прежде был замок Утех, — вспомнила Мелисенда. — И жили здесь прелестные девушки с косами цвета лимонного золота. А теперь руины и запустенье...»

Мелисенда пошла дальше, невольно замедляя шаг.

Как хочется пить, во рту пересохло, ноги так и горят. Найти бы какой-нибудь прохладный ручей, опустить ноги в воду. Хотя немного набраться сил...

Мелисенда услышала тихое журчание. Приглядевшись, она увидела: из-под корней старой берёзы выбивается тонкая струйка воды.

Серьёзный жук, деловито расправив жёсткую коробочку крыльев, пролетел мимо её лица.

Последние лучи солнца скользнули по шёлковой коре берёзы. А где же ручей? Нет и в помине. В траве видны только изогнутые корни берёзы и разбросанные хорошо промытые камешки.

«Померещилось, — подумала Мелисенда. — Сумерки морочат меня...»

Синий туман окутал всё вокруг. Первые звёзды робко показались на небе. Они перемигивались, словно уговаривали друг друга светить ярче.

«Что ждёт меня в замке графа Мортигера? — Мелисенда поёжилась от набежавшей прохлады. — Нет, лучше не загадывать. Там заточён мой любимый. Разве этого недостаточно?»

Верхушки деревьев ещё бережно хранили венки, сплетённые из лучей заходящего солнца, а внизу из густого подлеска уже выползал ночной мрак.

Мелисенда заторопилась по темнеющей дороге. Вдруг, прямо у своих ног, она увидела глубокую чёрную трещину, исчезающую в траве.

— Ой, она такая широкая, я, пожалуй, не перепрыгну, — испугалась Мелисенда.

И вдруг щель перед ней закрылась сама собой, теперь впереди была снова ровная дорога.

«Что это — колдовство или кто-то опасный и хитрый хочет, чтобы я поскорей пришла в замок графа Мортигера?»

Мелисенда торопливо пошла вперёд, прижимая к груди серебряную ветку с блестящим в темноте последним яблоком.

— Спасибо тебе, добрый Горный Кузнец, — прошептала Мелисенда. — Твоя серебряная ветка уже дважды спасла меня. Да благословит тебя Господь!..

Дорога кругами огибала холм, и вот на его вершине Мелисенда увидела отсвечивающий льдом высокий замок.

Острые башни тонули во мраке. Два круглых окна время от времени вспыхивали зелёным светом, как глаза хищного зверя, готового к прыжку.

Чем выше поднималась Мелисенда, тем холоднее становился ветер, бьющий в лицо.

Она прошла изогнутый мост над замёрзшим потоком. Вода была скована льдом, но вдруг, как тень, промелькнула чуть видная золотая рыбка.

Теперь я больше не боюсь переходить поток по мосту. Меня больше не преследует призрак несчастной женщины. Это была чужая жизнь, и даже если это был сон, он тоже был чужой...

Мелисенда поднялась по обледенелым плитам к высоким створчатым дверям. Один раз она поскользнулась и упала, разбив колени. Но тут же вскочила и пошла дальше.

Навстречу ей вышли длинноногие слуги, все как один в серо-чёрных плащах, похожих на сложенные крылья летучих мышей. Не сказав ни слова, склонились в почтительном поклоне, словно она была желанной гостьей в этом замке и ждали её с нетерпением.

Отворились высокие двери, и взору Мелисенды открылась длинная мраморная лестница, покрытая оледеневшим ковром.

Вдруг Мелисенда вздрогнула и невольно сделала шаг назад. Холодные иглы страха пробежали по спине.

На верхней ступени лестницы стоял сам хозяин замка граф Мортигер.

Он нарочито медленно спускался по лестнице ступень за ступенью, наслаждаясь ужасом на лице Мелисенды.

Его освещал зеленоватый свет факелов, казалось, вокруг него витает еле заметное облачко мрака.

Роскошный плащ, расшитый золотом, ниспадал с его плеч и скользил по ступеням. Его красивое лицо казалось бледнее обычного, губы изгибала улыбка торжества и злобной радости.

— Вот ты сама пришла ко мне, сладкая девочка! Надеюсь, ты поняла теперь силу моего могущества и, наконец, покорно согласишься стать моей женой. Тогда, так и быть, я оживлю твоего замёрзшего жениха, пусть отправляется на все четыре стороны. Ну, а если ты заупрямишься и не согласишься, я и тебя превращу в ледяную статую, моя красавица, на потеху моим знатым гостям. Уж они-то не боятся холода. Я нарочно приказал открыть все окна в перламутровом зале. Больше холода! Больше холода! Ну, иди же ко мне, моя бесценная малютка! Иди в мои объятия!

Боже мой! Осталось всего несколько ступеней. Мелисенда стояла неподвижно, как одурманенная. Его слова падали, словно тяжёлые камни.

Граф Мортигер подходил всё ближе. Какие у него тонкие гибкие пальцы, все унизанные кольцами. Но почему у него вместо ногтей изогнутые когти?

Мелисенда отшатнулась и прижалась к стене. На тонком льду, покрывавшем стену, отпечатались её ладони, полуголые плечи и тонкий локоть.

Сейчас он схватит её. В его бездонных глазах зажегся далёкий огонь...

В этот миг перед Мелисендой пролетел взъерошенный Воробей, взмахивая ошипанными крылышками и на лету потирая озябшие лапки.

Мелисенда как будто очнулась от наваждения. В последний момент она взмахнула серебряной веткой. Последнее серебряное яблоко упало и несколько раз со звоном подскочило на ледяном ковре.

Совсем близко от себя Мелисенда увидела искажённое от изумления и растерянности лицо графа Мортигера.

— Где, где принцесса? — голос изменил ему, он хрипел и задыхался. — Ловите её! Вон следы её ладоней и плеч, оттаявшие на стене. Она где-то тут, совсем рядом! Общайте все залы галереи!

В своём неистовом гневе, переходящем в безумие, Мортигер метался по лестнице. Невидимая Мелисенда тем временем незаметно проскользнула мимо него. Она чуть не запуталась в его плаще. Мелисенда взбежала на верхнюю площадку. Остановилась на мгновение, задумалась и скинула с ног свои башмаки. Она поставила их на ступеньки носками вниз, как если бы она сбегала по лестнице к дверям и второпях их обронила.

А вокруг невидимой принцессы, нетерпеливо взмахивая крылышками, порхал озябший Воробей. Никто не обращал внимания на маленькую облезлую птичку, делавшую круги в пустоте.

«Он как будто хочет указать мне путь, — подумала Мелисенда. — Знает ли он, что это путь к моей гибели?..»

Ледяные ковры пронзали острой болью её босые ноги. Она поджала пальцы. Скорее, скорее!

В тёмном переходе горела одинокая свеча.

«Может быть, ты хоть немного согреешь меня?..» — Мелисенда схватила свечу, провела рукой над сине-зелёным пламенем — но нет, это был только холодный призрак огня...

Воробышко, треща крыльями, ударился грудкой о высокую закрытую дверь.

Мелисенда распахнула её и замерла на пороге.

ГЛАВА 19

ЧЕМ ОКОНЧИЛИСЬ ПОИСКИ СБЕЖАВШЕЙ ПРИНЦЕССЫ И МНОГОЕ ДРУГОЕ

В

згляните, господин! — один из слуг робко указал графу Мортигеру на башмаки Мелисенды, стоявшие на ступеньках лестницы.
— Проклятье! Нет сомнения! Девчонка убежала из моего замка, — с трудом сдерживая ярость, крикнул граф Мортигер. — Её башмаки указывают, куда она направилась. Все на поиски принцессы! А мне — оседлать коня!

Слуги у подножия лестницы с трудом удерживали под уздцы чёрного, как ночь, могучего коня с искристыми глазами.

Граф Мортигер легко вскочил в седло.

— Экая холодрыга! — проворчал, с трудом шевелясь, ворон Харон. — Так и тянет в сон.

Тяжело взмахивая крыльями, он полетел вслед за хозяином.

Граф Мортигер направил своего коня по ночной дороге к замку Альзарон. Призрачно светила луна, примеряя то одно облако, то другое.

«Моя неженка испугалась холода, — усмехнулся граф Мортигер, торопя могучего коня. — Ничего, я вытащу её из замка Альзарон, как орешек из золотой скорлупки. Теперь никто не защитит мою красавицу. Всё равно ей не скрыться, она моя. Принц Амедей навеки заморожен. А король Унгер знай себе шелестит ветвями. Да на нижнем суку висит драгоценный кубок с гербом короля. Больше не пить ему любимого вина...»

Конь без труда перелетел пропасть без дна, будто у него были крылья. Но при этом наполнился ветром и вздулся, как парус, чёрный плащ графа Мортигера.

Вдруг послышался дребезг металла о камни. Конь сбился с шага и захромал.

— Тысяча чертей! Мой конь потерял подкову! — скрипнул зубами от злости граф Мортигер. — Делать нечего. Придётся подняться на перевал к Горному Кузнецу. Если он спит, я его быстро растолкаю.

Граф Мортигер, прихрамывая, начал подниматься по горной дороге.

— Скверная тварь, ты словно передразниваешь меня, — граф Мортигер резко дёрнул за уздечку хромящего коня.

Разглядеть дорогу становилось всё труднее. Граф Мортигер долго проплутал в голубом ночном облаке, пока сквозь редящую дымку увидел тёплый свет, льющийся из окна хижины, сложенной из грубо отёсанных камней.

— Эй, Горный Кузнец, берись за работу, да не думай отлынивать! — крикнул он, подходя к хижине. — Вот тебе кошель золота. Держи! Но чтоб мой конь через час скакал быстрее ветра!

Горный Кузнец не спеша вышел ему навстречу.

— Твои деньги мне не нужны. Ты торопишься? Что ж...— странная усмешка пробежала по его губам. — Поезжай, и пусть судьба скажет своё последнее слово...

— Хватит болтать чепуху, старый гвоздь! — нетерпеливо одернул его граф Мортигер. — Говорят, ты знаешь своё дело, так не медли.

— Не всякая подкова подойдёт для твоего коня, граф Мортигер, не всякая...— задумчиво покачал головой Горный Кузнец. — Присядь пока, отдохни под этим старым зелёным вязом. Он навевает воспоминания, а тебе есть что вспомнить, клянусь...

Граф Мортигер замахнулся было хлыстом, но глаза Горного Кузнеца так грозно сверкнули, что граф поспешно отошёл и присел на каменную скамью под старым вязом.

— Эй, мастер, долго ещё? — нетерпеливо крикнул граф Мортигер, заглядывая в кузницу.

Лицо Горного Кузнеца, озарённое багровым светом раскалённых углей, показалось ему пугающе суровым и незнакомым.

— Что ж, конь твой подкован, — сказал Горный Кузнец, подводя ему коня.

И странное дело, норовистый, дикий конь, не подпускавший к себе никого чужого, доверчиво положил голову на плечо Горного Кузнеца.

— Прощай, Кузнец! — усмехнулся граф Мортигер. — Видно, много ты накопил богатства, если отказался от моих денег. Может, ты подковал моего коня золотой подковой? Ха-ха! Проклятые облака, так и застыт всё, не разглядишь дорогу...

Горный Кузнец, прислонившись к притолоке, проводил взглядом стройного всадника на могучем коне, исчезающего в ночных облаках.

— Золото слишком мягкий металл, — покачал головой Горный Кузнец. — Я подковал твоего коня, чародей, вечной подковой: сплавом из истины и справедливости. Нет ничего надёжней такой подковы...

— Э-э, да что это? — донеслось из густого облака. — Куда ты скачешь, дьявольская тварь? Проклятый конь мчится по дороге к Северной долине! Сворачивай назад... Мне нужно в другую сторону, в Южную долину, к замку Альзарон... Куда ты скачешь, подлая скотина!

Горный Кузнец, стоя на гребне перевала, видел, как граф Мортигер безжалостно хлещет коня хлыстом. Могучий конь вскидывался на дыбы, храпел, тряс головой, но по-прежнему упорно скакал по дороге к Северной долине.

— Бедный конь, наступит время, и я заберу тебя к себе, — с жалостью проговорил Горный Кузнец. — Ты же не виноват, что моя подкова заставляет тебя скакать в Северную долину...

ДВЕ ЛЕДЯНЫЕ СТАТУИ И МНОГОЕ ДРУГОЕ

Принцесса Мелисенда, босая, держа в руке свечу, горящую морозным огнём, робко вошла в перламутровый зал. Рваная одежда не защищала её от холода, сквозь дыры в лохмотьях видны были посиневшие от холода её хрупкие детские плечи.

Мелисенда остановилась в дверях и замерла. В текучем лунном свете пол, стены, потолок ослепительно блистали цветным перламутром, превращая зал в огромную двустворчатую раковину.

Смахнув невольно набежавшие слёзы, Мелисенда оглянулась. Что это? Мелисенда зажала рот ладонью, чтоб не вскрикнуть. Она увидала принца Амедея,

совершенного белого, неподвижного. Он попытался вложить меч в ножны, да так и застыл.

— О, Боже! Мой любимый! — уже не чувствуя окоченевших босых ног, замёрзших пальцев, она бросилась к принцу Амедю, наступая на острые осколки разбитой жемчужины.

Она подбежала к принцу Амедю, со стоном крепко обняла его и прижалась к нему всем телом.

— Ты не видишь меня, милый?

Сквозь смёрзшиеся ресницы его незрячие глаза чуть светились. Слёзы неудержимо потекли по щекам Мелисенды. Они показались ей раскалёнными, обжигали её щёки.

Встав на цыпочки, она поцеловала принца Амедю в твёрдые ледяные губы. Мы замёрзнем вместе, любимый...

Мелисенда уже не могла оторвать рук от его плеч. Она больше не чувствовала своего тела, не ощущала уколов ледяных снежинок, только холод и неподвижность... Но сквозь лёд, в который она постепенно превращалась, Мелисенда слышала замирающее биение двух сердец. Она хотела улыбнуться, но губы её не шевельнулись. Это улыбнулась её душа.

За окном стояла глухая ночь.

Казалось, лунный свет тоже замёрз. Но вдруг его гладкие потоки расколола, разбросала в стороны большая стая воробьёв. Они вместе со снежинками влетели в распахнутое окно. С оглушительным писком и щебетом воробьи закружились по залу.

— Тише вы! Кругом слуги и стража, — прикрикнул на них ошипанный Воробей, не думая о том, что он чирикает громче всех. — Но где же, наконец, Бродячие Болотные Огни? Ну да, они отстали. Где уж им угнаться за нами. Эй, сюда, голубчики, поторопитесь!

Не успел он замолчать, как в открытое окно влетели братья Болотные Огни, как всегда, держась за руки. А за ними вся их многочисленная родня — племянники, дядюшки, почтенные старцы с длинными, уже поседевшими лучами и просто огни, знакомые по болоту.

Последними влетели множество малышей, похожих на болотные шарики.

Перламутровая раковина заблестала всеми огнями радуги. Воробьи запищали, закрывая глаза крыльями.

Пушистые, лёгкие, подхваченные холодными сквозняками, Болотные Огни летали по всему залу.

— Вы что, сюда развлекаться явились? — накинулся на них Придворный Воробей. — Скорее беритесь за дело!

Первыми подлетели к замёрзшему принцу и Мелисенде болотные брат и сестричка. Братец обнял ноги принца Амедея, и скоро засверкали золотые шпоры на его ботфортах. Сестричка тем временем растирала лучами застывшие руки Мелисенды.

— Хозяина замка графа Мортигера нет и в помине, — торжественно объявил Придворный Воробей. — Чёрт его унёс или дьявол, не всё ли равно? Ну-ка, Болотные Огни, отогревайте губы принцу Амедею и принцессе! Я хочу услышать их смех. Я так давно его не слышал!

Губы Мелисенды чуть порозовели. Сквозь оттаявшие ресницы блеснули её ожившие глаза.

Слёзы побежали по щекам Мелисенды и принца Амедея, смешиваясь и согревая их лица.

— Ну и чудеса! — удивлённо пискнул Придворный Воробей. — Им бы радостно смеяться, а они ни с того ни с сего проливают слёзы. Экие дурашки!

Но вдруг он опустился на плечо принца и стыдливо спрятал голову под крыло.

— О, я глупая птица, тупая башка! — виновато прошептал он. — Ведь они плачут от счастья! Высшая небесная радость. А я-то ничего не понял...

Между тем Болотные Огни хлопотливо растирали принца и Мелисенду своими теплыми лучами.

Блестящие капли потекли с волос принцессы. Блеснул меч принца Амедея с рукоятью в виде креста.

— Это ты, моя любовь! — прошептал принц Амедей, с трудом шевеля еще не оттаявшими губами.

— Неужели?..— еле слышно откликнулась принцесса. — Милый, я знаю, это только сон. Но прошу, не буди меня...

— И никакой это не сон! — набравшись смелости, крикнул самый маленький Болотный Огонёк.

Принц Амедей и Мелисенда, не разжимая рук, ещё не веря до конца в своё спасение, молча смотрели друг на друга.

Блуждающие Болотные Огни окружили их светлым кольцом, и все притихли, не смея нарушить эту светлую тишину.

— Моя девочка! — вдруг вскрикнул принц Амедей. — Твои ножки... Твои босые ножки... Они окровавлены, изрезаны острыми краями разбитой жемчужины!

Принц Амедей подхватил её на руки, Мелисенда приникла головой к его груди.

— Здесь где-то прячется огромный ворон, чёрный, как обгорелая головешка, — вдруг вспомнил принц Амедей. — Мерзкая, опасная птица!

— Нет, нет, нет, — весело затараторили воробьи, — Харон улетел! Ворон Харон улетел вслед за своим господином. Мы это видели!

— И я видел! И я! — подхватили Болотные Огни.

Принц Амедей, держа на руках Мелисенду, вышел из перламутрового зала. Вслед за ним вылетели оглушительно чирикающая стая воробьёв и сияющие Болотные Огни.

Испуганные слуги растерянно жались к стенам, гася зелёные факелы. Ядовитые саламандры неподвижно лежали в камине, ни одна из них не шевельнулась.

Едва принц Амедей вышел из замка, послышалось звонкое ржание и удары копыт. Выбив двери конюшни и оттолкнув слуг, Эренлив вырвался на волю. Да, по правде говоря, какие это были слуги! Они тут же превращались в летучих мышей и, взмахнув перепончатыми крыльями, торопились скрыться в верхних башнях замка.

Эренлив прижался головой к плечу принца Амедея.

— Ты повезёшь нас обоих, мой Эренлив!

И верный конь заржал ясно и звонко.

Ветер разогнал тучи. Луна стояла высоко над горами. Травы и листья отливали шёлком и серебром.

Как только принц Амедей и Мелисенда выехали на Южную дорогу, приветствуя их, запел ночной король леса Соловей. И его свита, мелкие пичужки, запели как могли, стараясь не нарушить его стройные мелодии.

ГЛАВА 21

В ЗАМКЕ ПРИЗРАКОВ И МНОГОЕ ДРУГОЕ

Ч

ёрный конь графа Мортигера скакал, не зная усталости, по Северной дороге. Бока его были исхлѣстаны плетью, пена клочьями слетала с удил, но он летел, оставляя позади облако серой пыли, в котором гасли лунные лучи.

Старуха в заплатанном переднике и грубом холщовом чепце поспешно посторонилась, сошла с дороги, уступая место чёрному всаднику.

— Эй, помело в чепце! Что ты там спрятала за пазухой, так и светится? — крикнул граф Мортигер, не в силах совладать с конѐм.

— Да вот, добрая барышня отрезала прядку своих золотых волос, — пролепетала старуха, боязливо сжимая у горла ветхую кофту.

Но чёрный конь уже проскакал мимо.

Сбоку от дороги раскинулось топкое болото. Кислая вода была покрыта цветной плёнкой. На бурой кочке сидела, раздувшись, пятнистая жаба, грея в лунных лучах свои бородавки. Рядом лежал ржавый рыцарский шлем. Из гнилой воды торчала железная перчатка со скрюченными пальцами.

Навстречу графу Мортигеру брели две унылые фигуры. Где-то вдалеке была видна повозка, полная разрисованной глиняной посуды.

— Не видали тут девчонки с золотыми волосами? — крикнул на скаку граф Мортигер.

— Как же, как же! Да не лезь ты, Фильдрем, я всё сама расскажу господину графу, — крикнула женщина.

— Заткни свой рот, Зазельма! — рявкнул мужчина. — Я сам...

— Вот беда! Упустили мы её! Напал на нас дикий разбойник!.. — заголосили оба вместе Фильдрем и Зазельма.

— Упустили, мерзавцы! Так вот вам за это!

Но конь уносил его всё дальше, и только сквозь клубы пыли донёсся грозный голос:

Вы на этом гиблом месте
Оставайтесь вечно вместе...

В тот же миг ноги Зазельмы и Фильдрема глубоко провалились в топкую трясину.

Чёрный конь, пролетая мимо повозки, задел её копытом. Повозка осела набок, бренча, посыпалась глиняная посуда...

— Смилуйтесь, господин граф! — донёсся отчаянный голос Фильдрема.

Но чёрный всадник уже скрылся за поворотом.

К ужасу графа Мортигера, его конь мчался всё быстрее, как будто скакал к намеченной цели.

Дорога, вымощенная лунными осколками, вела прямо к высокой скале.

— Нет, нет, только не туда! — пустынная местность огласилась отчаянными воплями графа Мортигера.

Теперь уже виден был тускло-прозрачный замок Призраков. В пустых окнах время от времени вспыхивал багровый огонь.

Конь вихрем перелетел через мост. Он как вкопанный остановился у подножия зыбкой полуразвалившейся лестницы. От резкого толчка граф Мортигер не удержался и вылетел из седла.

Его тотчас подхватили под руки подбежавшие слуги и почтительно помогли подняться. В неподвижном холодном свете луны нетрудно было разглядеть, что это толпа скелетов в огненно-красных плащах и высоких ботфортах. Но это ничуть не смутило графа Мортигера. Он знал, кто прислуживает в этом замке.

— Пошли прочь, пока не рассыпались! — граф Мортигер оттолкнул слугу. Тот с хрустом ударился о стену и развалился. Череп отлетел в сторону. Двое слуг, сочувственно причитая, принялись собирать его кости.

— Не спутайте руки и ноги, — жалобно простонал скелет.

— Вас ждут, господин граф, — подобострастно поклонился один из слуг, в плаще из дорогой парчи. Кости его затрещали, когда он поднял с земли шляпу с перьями графа Мортигера.

— Никто меня тут не ждёт, болван! — проворчал граф Мортигер. — Мне надо ехать дальше. А ну расступитесь и подведите сюда моего коня! Мне надо найти девчон... Ну, да не ваше дело, олухи.

Но тут граф Мортигер увидел: ряды слуг позади него сомкнулись, так что вернуться на дорогу не было никакой возможности. Слуги со всех сторон окружили его, надвинулись, подхватили под локти, так что он невольно вынужден был подниматься вверх по лестнице, ступень за ступенью.

Граф Мортигер, подталкиваемый слугами, вошёл в высокий зал, освещённый мертвенным сиротливым светом луны.

Приглядевшись, он увидел, что на высоких скамьях вдоль стен, увешанных выцветшими гобеленами, сидят неподвижные призраки. Полупрозрачные, истлевшие, они были еле видны. И у каждого с левой стороны груди, там, где должно быть сердце, зияло сквозное отверстие с неровными краями.

Зашевелилась, просыпаясь, чёрная пантера в глубине зала. Она потянулась, вытягивая лапы. Её глаза вспыхнули, и два ярких луча осветили высокий трон, ступени которого были сложены из покрытых плесенью гробов.

Призрак, сидевший на троне, наклонился вперёд, упёрся острым локтем в колено. Одежда его кое-где превратилась в рассыпавшиеся лохмотья, и видны были позеленевшие кости. На голове блеснула тяжёлая корона.

Призраки зашевелились, что-то шепча друг другу, тихо переговариваясь.

Только один мертвец оставался совершенно равнодушным. Голова была опущена. Длинные седые космы развалились на редкие пряди. Истлевшее платье падало до полу. Неподвижные костяшки пальцев были унизаны медными кольцами.

Женщина-призрак неподвижно сидела на крышке гроба и, казалось, была погружена в вечный сон.

— Очнись, да очнись же, Зарильда! Ты только посмотри! — вдруг заголосили мертвецы.

Они протянули костлявые руки, указывая на графа Мортигера. Стоя посреди зала, граф Мортигер съёжился, сжался и, казалось, стал меньше ростом.

— Это он, он, граф Мортигер!

— Это он, Зарильда, украл твою память!

— Пусть отдаст её тебе назад!

— Твоя сестра Зазельма всё время помнила о тебе. Потому твоя память летала над твоей могилой, и он подло украл её!

— Теперь он здесь, потребуй назад свою память!

Зарильда вздрогнула и снова неподвижно замерла.

— Я не помню никакой сестры... Я ничего не помню... — безжизненно и глухо пробормотала она.

— Вступись за неё, король мертвецов! — завопили призраки. — Даже здесь, в нашем царстве, должна торжествовать справедливость!

— Встань, Зарильда! — приказал король, приподнимаясь с ветхого трона.

Все призраки вскочили с мест, указывая осыпающимися пальцами на графа Мортигера.

— Пощадите... — еле прошептал Мортигер.

— Верни ей украденную тобой память! — голос короля мертвецов загремел под туманными сводами зала. — В нашем загробном мире нельзя нарушать вековые законы!

— Горе мне... — граф Мортигер рухнул на колени. — Половину её памяти я отдал ядовитым саламандрам. Они сожрали её...

— А вторую половину? — король мертвецов повернул к Мортигеру треснутый череп. Если бы не тяжёлая корона, череп развалился бы на две половинки. В пустых глазницах короля вспыхнул дымящийся огонь.

— Вторую половину я отдал принцессе Мелисенде, — граф Мортигер повинно опустил голову. — Я не знаю... принцесса загубила её. Душа принцессы оказалась слишком чистой и светлой. Получив память Зарильды, она так страдала и мучалась, приняв чужую жизнь за свою. И потому память Зарильды с каждым днём бледнела и гасла. От неё похоже ничего не осталось. Помилуй меня, великий король. Молю тебя... Пощади!

— Тебе нет прощения! — Из мертвых глазниц короля вырвались струи чёрного дыма, и призраки притихли, прижавшись друг к другу. — Эй, мои верные слуги, возьмите память графа Мортигера и отдайте её беспамятной Зарильде!

— Нет, нет! — граф Мортигер пополз на коленях по каменному полу, усыпанному прахом. Но двое слуг

удержали его за плечи, а двое других ловко схватили туманную дымку, смутно витавшую над его головой.

Они опустили расплывчатое облачко в пустой череп Зарильды. Та, шатаясь, подошла к королю, неуверенно потирая костистый лоб рукой, словно пытаясь что-то вспомнить.

— Странно, странно... Так вот, оказывается, какую жизнь я прожила! А я и забыла, — с недоумением пробормотала Зарильда. — Всё вспоминаются какие-то заклинания... И оказывается, были у меня два замка. Один весь из золота, а второй — ледяной. Да, я была богата! Золото, золото, полные сундуки... А сколько слуг! Но, кажется, это были летучие мыши.

Граф Мортигер поднялся с колен и бессмысленным взглядом окинул зал. Его лицо было искажено болью и безумием.

— Где я? — прошептал он.

Тем временем луна закатилась за далёкий высохший лес. Облака окрасились в блёкло-розовый цвет. В лучах восходящего солнца замок Призраков становился зыбким, непрочным. Он оседал вниз, а налетевший порыв ветра унёс туманные башни, превратил в прах колонны, шпиль... Замок словно таял в сиянии утреннего солнца.

Из высоких дверей, которые, грозя рухнуть, еле держались за неустойчивые стены, шатаясь, вышел седой сторбленный человек в роскошных чёрных одеждах.

Это был граф Мортигер. Не в силах сдержать страдальческий стон, он то обеими руками хватался за голову, то бессильно опускал руки. Взгляд его выражал мучительное и безнадежное желание что-то вспомнить.

— Пустота, пустота... — шептал он.

— Эй, хозяин! — к Мортигеру подлетел чёрный Харон. — Да что с тобой? Тебя не узнать! Ты как будто постарел на тысячу лет.

— Я не знаю тебя, птица, — равнодушно проговорил граф Мортигер. — Лети своей дорогой. Оставь меня.

— Что? Что ты сказал? — в восторге взвился Харон. — О, долгожданные слова! Неужели ты отпускаешь меня, хозяин?

— Я не понимаю, о чём ты, — отмахнулся от него граф Мортигер. — Как я могу держать тебя, если я никогда тебя не видел? Лети куда хочешь, что мне до тебя?

— Свободен! Свободен! — задыхаясь от счастья, каркнул Харон. — Я уже слышу шум мёртвых волн Стикса. Там ко мне вернётся мой вечный облик. Кончилось твоё колдовство, Мортигер! Меня ждут моя ладья и любимое весло...

Чёрный ворон мгновенно исчез, словно его приняла в свои глубины другая вселенная.

Мортигер даже не повернул головы. Он шёл, спотыкаясь и прихрамывая, по пустынной пыльной дороге.

Вот гнилое, зловонное болото. Оттуда, проклиная всё на свете, вылезали трактирщица Зазельма и Фильдрем, по пояс перемазанные жидкой грязью.

— Посмотри-ка на старикашку! — злобно проговорил Фильдрем. — Сдаётся мне, это — граф Мортигер. Поседел за одну ночь. Видно, разучился колдовать. Давай догоним его и вздуем как следует.

— Лучше с ним не связываться! — боязливо возразила Зазельма. — Кто его знает? Лихо он нас закинул в болото. Давай обсохнем на солнышке, да побредём помаленьку восвояси...

Мимо них проскакал холеный чёрный конь. Его гибкое тело в утренних лучах отливало лиловым серебром. На миг он остановился возле Мортигера, сверкая глазами и раздувая ноздри. Потом плеснул шелковистой гривой и поскакал по дороге. Он чутко повернул породистую голову, с нетерпением ожидая, когда он, наконец, услышит долгожданные звонкие удары молота по железной наковальне.

ДУБОВЫЙ ЛИСТОК В БОРОДЕ КОРОЛЯ УНГЕРА И МНОГОЕ ДРУГОЕ

елисенда и принц Амедей ехали по Южной дороге. Душистый ветер нёс запахи лесных цветов. Сочно блестела ещё полная росы трава.

Влюблённых окружала восхищённая стайка воробьёв. Они, не переставая, щебетали и чирикали.

— Да тише вы! — одёрнул их Придворный Воробей. — Моей парочке тоже хочется почирикать.

— Милый, как было страшно одной на Северной дороге, — Мелисенда ещё тесней прижалась к принцу Амедею.

— Тяжелее всего было думать, что я замёрзну и больше не увижу твоего прелестного личика. — Принц Амедей вздрогнул, словно от холода, вспомнив Ледяной замок. — И главное...

— Ой, у меня сейчас упадёт с ноги туфелька! — воскликнула Мелисенда.

— Туфелька? — удивился принц Амедей. — Не может быть! Ты шла босиком по острым осколкам жемчужины.

Он перегнулся с седла.

— Правда, у тебя на ногах атласные туфельки. А платье, платье! Кружевное, прозрачное! Откуда? Может ли это быть? Оно как будто соткано из облаков и солнечных лучей!

— Я думаю, всё очень просто. Это колдовство просит прощения за то, что оно так пугало и мучало меня, — задумалась принцесса.

В это время вдалеке на Южной дороге показалась толпа всадников. В воздухе колыхались знамёна с королевскими гербами.

— Это отец, отец! — вне себя от радости воскликнула Мелисенда. Она соскочила с коня и бросилась бегом навстречу королю.

Король спешился. С глазами, полными слёз, он протянул руки и заторопился по дороге. Слуги поддерживали его.

— Где ты была так долго, радость моя? — с волнением воскликнул он.

— А где ты был, батюшка? — целуя его, спросила Мелисенда.

— Признаться, сам не знаю... — Король в недоумении развёл руками. — Вот слушай, дорогая. Я случайно задремал на опушке дубовой рощи. И вдруг проснулся, весь облепленный дубовой листвой. В карманах полно желудей. Что за притча?

С этими словами король вытащил из своей бороды свежий дубовый листок.

«Ещё одно злое колдовство Мортигера», — догадалась принцесса.

— А принц Горра и герцог Альдмер, — продолжал король, — вдруг выскочили прямо на меня из глубины дубовой рощи, отряхиваясь от листьев, как мокрые собаки. Вскочили на коней и ускакали. Да ещё выкрикивали без всякого толка: «Боже праведный! Почему на моём гербе вместо леопарда какие-то дурацкие жёлуди? А у меня высохшие сучки!» С тем и ускакали.

В это время подъехал принц Амедей. Король растроганно обнял его.

— Батюшка, — глаза у принцессы потемнели. — За это время, если бы ты только знал, сколько я встретила злобы и коварства... — Но тут принцесса светло улыбнулась: — Но ещё больше мне встречались добрые люди, золотые сердца. Старик, бедняга, так и остался без своей шарманки. Старая бабушка, которая так бедна, что даже не может купить обручальное кольцо своей внучке...

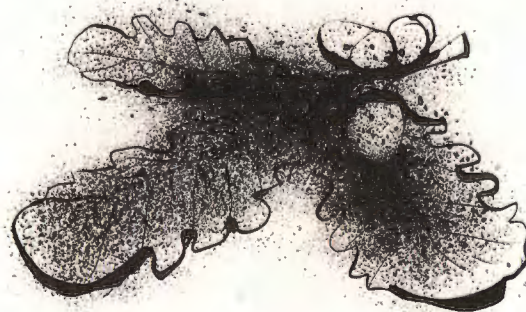
— Моя радость, как могло случиться, что ты встретила с этими нищими? — изумился король. — Я их всех возьму во дворец и награжу. Но, конечно, они были с тобой почтительны. Ведь сразу видно, что ты принцесса!

— Я выкуплю у старушки прядь твоих волос, — голос принца Амедея дрогнул. — В золотой ладанке я буду всегда хранить твои волосы у себя на груди...

«Ах, мой милый батюшка, — подумала Мелисенда. — Ты никогда не узнаешь, как, потерявшая память, оборванная, голодная, я мыла пивные кружки в трактире у Зазельмы. Как я попала в лапы Фильдрема и чуть не погибла... Но зато я расскажу тебе про Горного Кузнеца, благородного и великодушного. Думаю, к нему прилетают крошки эльфы, и он чинит их причудливые украшения. Мы позовём к нам Лесное Эхо. Пусть летает по дворцу сколько хочет. А Бродячие Болотные Огни? Мы досыта накормим их золотом...»

Мелисенда взглянула в светлые любящие глаза принца Амедея.

«Вечером мы пойдём в дубовую рощу. Там такая шелковистая трава. И уже нет никакого колдовства. Тогда я расскажу тебе всё-всё... И выслушаю твою повесть, полную отчаяния и печали, как ты пришёл в Ледяной дворец графа Мортигера и вернул мне мою память...»

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА 1

Пропавшие женихи и многое другое

5

ГЛАВА 2

Что случилось на заброшенном кладбище и многое другое

11

ГЛАВА 3

Колдовская жемчужина и многое другое

19

ГЛАВА 4

Звон колокола и многое другое

25

ГЛАВА 5

Бродячие Болотные Огни и многое другое

33

ГЛАВА 6

Трактир «Весёлый Гусь» и многое другое

39

ГЛАВА 7

Золотой замок и многое другое

47

ГЛАВА 8

Золотые цепи и многое другое

53

ГЛАВА 9

Подслушанный разговор и многое другое

63

ГЛАВА 10

Горный Кузнец и многое другое

71

ГЛАВА 11

Опасное решение и многое другое

77

ГЛАВА 12
Страшные преследователи и многое другое
83

ГЛАВА 13
В Ледяном замке и многое другое
89

ГЛАВА 14
Волшебная жемчужина и многое другое
95

ГЛАВА 15
О том, что случилось с принцессой на Северной дороге,
и многое другое
99

ГЛАВА 16
Серебряная ветка и многое другое
105

ГЛАВА 17
О чём рассказало Мелисенде Лесное Эхо и многое другое
109

ГЛАВА 18
Последнее серебряное яблоко и многое другое
113

ГЛАВА 19
Чем окончились поиски сбежавшей принцессы и многое другое
119

ГЛАВА 20
Две ледяные статуи и многое другое
123

ГЛАВА 21
В замке Призраков и многое другое
129

ГЛАВА 22
Дубовый листок в бороде короля Унгера и многое другое
139

УДК 82-34
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
П78

Прокофьева С.Л.

П78 Босая принцесса / Софья Прокофьева; Худож. Игорь Олейников. — М. : ОАО «Московские учебники», 2010. — 144 с. : ил. — (Сказка за сказкой).
ISBN 978-5-7853-1345-3

Чёрный колдун Мортигер обманом отнял у прекрасной принцессы Мелисенды память и заменил её воспоминаниями о злодействе. Счастливая страна короля Унгера отныне несчастна: сам король заколдован, принцесса скрывается... Спасёт ли её возлюбленный — принц Амедей?

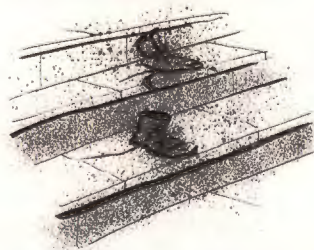
УДК 82-34
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Литературно-художественное издание
Для детей среднего школьного возраста

Серия «Сказка за сказкой»

Прокофьева Софья Леонидовна

БОСАЯ ПРИНЦЕССА

Художник Олейников Игорь Юльевич

Подготовлено при участии НО «ИЦ «Москвоведение»
125252, Москва, ул. Зорге, 15. Тел./факс: (495) 727-20-69
Генеральный директор *Ю.Н. Курнешов*

Книга подготовлена редакционно-издательской группой «Наша школа»
125252, Москва, ул. Зорге, 15, влад. 9 «А»
Тел./ факс: (499) 195-16-32, 195-17-32; доб. 2-61, 2-62
www.kykumber.ru

Главный редактор — *Е.А. Александрович*,
редактор — *Ю.Н. Денисов*, художественный редактор — *Н.А. Дымова*,
обработка иллюстраций — *В.Г. Удовенко*, вёрстка — *В.В. Брызгалова*,
технический редактор — *А.И. Немальцина*, корректор — *Г.П. Горбачёва*

Подписано в печать 06.06.2010. Формат 60х90/8. Бум. мелованная. Гарнитура Бодони.
Печать офсетная. Печ. л. 18,0. Тираж 11 700 экз. Заказ 13 440.

Отпечатано в ОАО «Московские учебники и Картолиитография»
125252, Москва, ул. Зорге, 15. Тел. (499) 943-24-75
Генеральный директор — *С.М. Линович*

ISBN 978-5-7853-1345-3

9 785785 313453

© Прокофьева С.Л., текст, 2010
© Олейников И.Ю., иллюстрации, 2010
© РИГ «Наша школа», 2010
© ОАО «Московские учебники», 2010

